B 22/1034
M., 1879

3 22
1034

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО

ОБЩИННОМУ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЮ

ВЪ РОССІИ.

(А. Посниковъ. Общинное землевладѣніе. Кн. А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе)

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. Русанова.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К°,

Леонтьевскій переул., домъ № 14.

1879.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО

ОБЩИННОМУ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЮ

ВЪ РОССІИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. РУСАНОВА.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К°,

Лесптьевскій переул., домъ № 14.

1879.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
Ф 37629-39.
2007111278

Дозволено цензурою. Москва 20 февраля 1879 года.

Новѣйшая литература по общинному землевладѣнію въ Россіи*).

А. Посниковъ. Общинное землевладѣніе. Вып. I. Ярославль. 1875. Вып. II. Одесса. 1877 г.

Кн. А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ Европейскихъ государствахъ. Томъ II. глава XII. Спб. 1876 г.

Ковсякому, пишущему объ общинномъ землевладѣніи, у насъ обыкновенно приступаютъ съ вопросомъ: за или противъ общины стоитъ онъ? Отъ каждаго требуютъ отвѣта, слѣдуетъ ли ее отмѣнить или удержать. Я заранѣе прошу не искать въ настоящей статьѣ этого отвѣта. Настоящее состояніе научныхъ изслѣдованій въ этой области не позволяетъ точно рѣшить даже вопроса объ экономическомъ значеніи общины, не говоря уже о томъ, что другія стороны этого весьма сложнаго явленія почти еще совершенно не изслѣдованы, такъ что рѣшеніе вопроса объ общинѣ, какъ о цѣломъ учрежденіи, представляется въ настоящую минуту дѣломъ совершенно невозможнымъ. Между тѣмъ эти, казалось бы, необходимо каждому долженствующія представиться, соображенія забываются у насъ на каждомъ шагу и вопросъ объ общинѣ съ большою смѣлостью рѣшается такъ или иначе. Въ нашихъ правительственныхъ сферахъ есть лица, которыя на основаніи своего убѣжденія въ невыгодности общиннаго землевладѣнія для сельскаго хозяйства утверждаютъ, что ее слѣдуетъ разрушить. Такое заключеніе очевидно невѣрно, оно слишкомъ смѣло. Оно слишкомъ

---

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 1 мая 1878 года.

смѣло потому, что община есть учрежденіе не хозяйственное только, оно еще и союзъ общественный, учрежденіе политическое, административное, финансовое. Если даже она невыгодна въ сельскохозяйственномъ отношеніи, можетъ быть, ея политическія и другія выгоды такъ велики, что передъ ними блѣднѣютъ ея хозяйственныя неудобства. И такое заключеніе кромѣ того, что оно совершенно ложно, можетъ быть еще и чрезвычайно пагубно, ибо оно неукоснительно стремится перейти въ надлежащія мѣропріятія.

Поэтому такія заключенія необходимо опровергать всѣми силами. Но писатели, протестующіе противъ этого заключенія, опровергаютъ его не такъ, какъ опровергать его слѣдуетъ по моему мнѣнію. Они стараются доказать экономическую состоятельность общины и на основаніи своихъ доказательствъ утверждаютъ, что ее слѣдуетъ поддерживать. Но если доказать этого нельзя, въ такомъ случаѣ, значитъ, слѣдуетъ согласиться съ противниками общиннаго землевладѣнія и потому только, что оно невыгодно для сельскаго хозяйства, требовать его упраздненія? Если же, напротивъ, сельскохозяйственная состоятельность общиннаго землевладѣнія будетъ доказана, то можно ли, нисколько не заботясь о другихъ его сторонахъ и объ его вліяніи въ другихъ отношеніяхъ, требовать непремѣнно его поддержанія? Обѣ спорящія стороны дѣлаютъ выводы гораздо болѣе обширные, чѣмъ то позволяютъ ихъ доводы, обѣ онѣ неумѣренны въ своихъ заключеніяхъ.

Эта неумѣренность экономистовъ въ выводахъ породила другую крайность: въ послѣднее время между учеными нерѣдко можно встрѣтить самый презрительный взглядъ на экономическое изслѣдованіе объ общинѣ. Такой взглядъ недавно былъ выраженъ и печатно въ статьѣ профессора Гаттенбергера о сочиненіяхъ Лавелэ и Соколовскаго *). „Почти въ каждомъ сочиненіи о формахъ кресть-

*) Сборникъ Государственныхъ знаній. Т. V.

янскаго землевладѣнія," говоритъ г. Гаттенбергеръ, „разсматривается и рѣшается такъ или иначе вопросъ о значеніи этихъ формъ. Но авторы этихъ сочиненій не подвинули его рѣшенія и, какъ я смѣю думать, не могли подвинуть, оставаясь при той-же постановкѣ вопроса. Вопросъ объ экономическомъ значеніи общины въ самой своей постановкѣ односторонень и потому фальшивъ, ибо онъ предполагаетъ только одно рѣшеніе, основанное на анализѣ только одной стороны общины, одного ея свойства. Но община не простое явленіе, имѣющее только одно свойство, вліяніе котораго могло бы исчерпывать всю совокушность вліяній общины. Напротивъ, даже поверхностный анализъ открываетъ, что община имѣетъ нѣсколько свойствъ, оказывающихъ различныя вліянія... ...Если вѣрно, что община есть сложное явленіе, имѣющее различныя свойства съ различными вліяніями, то ясно, почему вопросъ объ экономическомъ вліяніи общины, поставленный односторонне, обсуждается въ каждой новой книгѣ объ общинѣ, *нисколько не подвигаясь къ рѣшенію.*" Совершенно вѣрно, что община есть явленіе сложное и что даже поверхностный анализъ открываетъ, что она имѣетъ нѣсколько свойствъ, съ различными вліяніями; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что изслѣдованіе вліянія каждаго изъ этихъ свойствъ въ отдѣльности не можетъ подвинуть рѣшеніе вопроса о вліяніи самой общины, какъ цѣлаго явленія? При опредѣленіи вліянія всякаго сложнаго явленія изслѣдованіе вліяній, производимыхъ каждымъ изъ составляющихъ его факторовъ, не только подвигаетъ вопросъ къ рѣшенію, но представляетъ даже единственный возможный путь для его рѣшенія. Вѣдь, если мы станемъ смотрѣть на сложное явленіе сразу со всѣхъ сторонъ, то, пожалуй, ничего и не увидимъ или увидимъ очень мало и сужденіе наше о немъ будетъ крайне поверхностно; для того же, чтобы составить правильное и точное сужденіе о предметѣ, надо сначала посмотрѣть съ одной стороны, потомъ съ другой, и т. д., а потомъ уже свести

итогъ и вывести сужденіе о цѣломъ предметѣ. Точно также и при изслѣдованіи общиннаго землевладѣнія прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ, надо изслѣдовать его различныя свойства и стороны въ отдѣльности. Сначала пусть агрономъ и спеціалистъ по экономіи земледѣлія опредѣлятъ его вліяніе на развитіе земледѣлія, экономистъ изслѣдуетъ вліяніе его на развитіе другихъ отраслей производства и на весь экономическій бытъ страны, политическій ученый — его значеніе, какъ общественнаго союза, административной единицы, финансистъ—какъ финансоваго учрежденія и т. д.; а тогда, и только тогда, уже можно будетъ рѣшать вопросъ объ общинномъ землевладѣніи; и путь этотъ не только подвигаетъ вопросъ къ рѣшенію, но представляетъ даже единственный возможный для его рѣшенія. Такимъ образомъ экономическое изслѣдованіе общины, равно какъ и изслѣдованіе ея съ другихъ сторонъ, имѣетъ большое значеніе и каждый выдающійся трудъ по этому предмету требуетъ внимательнаго къ себѣ отношенія.

Среди сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время по этому вопросу, вниманіе наше должно быть прежде всего обращено на двѣ диссертаціи профессора Посникова, самое происхожденіе которыхъ, написанныхъ для полученія ученыхъ степеней, предполагаетъ въ нихъ научные пріемы и серьезность содержанія, и затѣмъ на тотъ отдѣлъ извѣстной книги князя Васильчикова, который посвященъ общинному землевладѣнію. Кромѣ того, не смотря на важность предмета и на тотъ успѣхъ, которымъ облечены оба названныя сочиненія, до сихъ поръ не появлялось еще сколько-нибудь полнаго и обстоятельнаго разбора, какъ сочиненія г. Посникова, такъ и упомянутаго отдѣла книги кн. Васильчикова. По всѣмъ этимъ причинамъ мы и займемся ихъ разборомъ. Начнемъ съ г. Посникова.

Читателя, надѣявшагося встрѣтить въ книгѣ г. Посникова дѣйствительно самостоятельное и научное изслѣдованіе объ общинномъ землевладѣніи, какъ обѣщаетъ за-

главіе, съ первыхъ же страницъ постигаетъ разочарованіе. Онъ находитъ въ авторѣ защитника общиннаго землевладѣнія, вступающаго въ полемику съ его противниками, желающаго не дать самостоятельное изслѣдованіе о предметѣ, а только опровергнуть ихъ доводы. Г. Посниковъ говоритъ только о тѣхъ свойствахъ общиннаго владѣнія, которыя случилось побранить его противникамъ, онъ отправляется не отъ самостоятельнаго изученія предмета, а отъ тѣхъ возраженій, которыя ему довелось слышать. Нельзя не отказать такому пріему въ научности. Можно ли, изслѣдуя научно вопросъ, отправляться отъ мнѣній, кѣмъ-то и когда-то высказанныхъ? Авторъ могъ искать эти возраженія въ нашей литературѣ объ общинѣ конца пятидесятыхъ годовъ или въ отвѣтахъ свидѣтелей Коммиссіи для Изслѣдованія Сельскаго Хозяйства или, наконецъ, въ иностранной литературѣ. Но кто поручится за то, что споръ нашей литературы объ общинѣ, стоявшій на чисто отвлеченной почвѣ, чуждый фактическихъ изслѣдованій, гдѣ господствовали „философскія предъубѣжденія“, что этотъ споръ исчерпалъ всѣ хозяйственныя неудобства общиннаго землевладѣнія? Кто поручится за то-же относительно мнѣній, высказанныхъ въ Коммиссіи для Изслѣдованія С. Х. случайными и неподготовленными наблюдателями общины, землевладѣльцами и чиновниками, людьми къ тому же, по мнѣнію автора, поголовно говорящими по внушенію нанимательскихъ, своекорыстныхъ инстинктовъ? Тоже должно сказать и о враждебной общинному землевладѣнію литературѣ иностранной. Самъ г. Посниковъ говоритъ: „не измѣнились и не сдѣлались болѣе вѣскими доводы въ пользу отмѣны общиннаго землевладѣнія. Они остались тѣ-же, какими были высказаны Юсти и Вёльнеромъ, и все послѣдующее было только простымъ повтореніемъ... Возможно-ли судить въ наше время объ экономической пригодности извѣстной формы владѣнія на основаніи взглядовъ временъ Юсти?“ (В. I стр. VI). Г. Посниковъ можетъ разбить даже всѣ доводы, встрѣчающіеся въ этихъ лите-

ратурахъ, но это вовсе не значитъ разобрать всѣ неудобства общиннаго землевладѣнія и еще менѣе—изслѣдовать его и опредѣлить ту или другую его экономическую тенденцію.

Скользкій путь полемики, избранный г. Посниковымъ, ведетъ также къ широкому произволу въ выборѣ мнѣній, которыя опровергаются. Кромѣ того, что доказывающій состоятельность какого-либо учрежденія путемъ опроверженія обвиненій этого учрежденія никакъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что обвинители исчерпали всѣ и даже главнѣйшіе его недостатки; онъ еще и не имѣетъ вѣрнаго критерія, на основаніи котораго онъ могъ-бы считать одно возраженіе заслуживающимъ опроверженія, а другое—нѣтъ, и ему остается совершенно произвольно опровергать одно возраженіе, оставляя втунѣ другое, можетъ быть самое важное. Такъ поступаетъ и г. Посниковъ. Его выводы не могутъ быть приняты уже потому, что онъ не опровергаетъ нѣкоторыхъ доводовъ противъ общиннаго землевладѣнія, приводимыхъ имъ самимъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ упоминаетъ о тѣхъ противникахъ общиннаго землевладѣнія, которые указываютъ на отсутствіе у насъ класса наемныхъ рабочихъ, въ которыхъ ощущается сильная потребность, говорятъ, что это отсутствіе производитъ невозможность положиться на свободное дѣйствіе начала конкурренціи, спроса и предложенія, что общинное землевладѣніе составляетъ причину такого положенія, является сильнѣйшей задержкой капиталистическому производству и повышаетъ рабочую плату. Упомянувъ объ этомъ возраженіи, авторъ совсѣмъ не подвергаетъ его критикѣ, не задается вопросомъ, дѣйствительно-ли общинное землевладѣніе создаетъ неудобства для фабричной промышленности или, напротивъ, эта форма очень выгодна для всякихъ нанимателей, землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, такъ что только непониманіе вліянія общиннаго владѣнія на рабочую плату позволяетъ имъ нападать на него. Г. Посниковъ безъ всякихъ разсужденій признаетъ, что общинное землевладѣніе пре-

пятствуетъ преуспѣянію капиталистической формы производства и вредна для нея. Но разъ онъ призналъ, что общинное землевладѣніе задерживаетъ развитіе цѣлой обширной отрасли народной промышленности --фабричной, ему слѣдовало бы рѣшить, желательна ли такая задержка; если онъ призналъ, что общинное землевладѣніе препятствуетъ развитію капиталистической формы хозяйства, то для того, чтобы знать, должно ли эту форму владѣнія уничтожить или поддерживать, ему слѣдовало бы рѣшить вопросъ, желательно ли и возможно ли возвращеніе нашего отечества съ пути капиталистическаго хозяйства, на который оно уже вступило, къ предшествовавшимъ формамъ хозяйственной жизни и обсудить возможность для насъ перехода прямо къ высшимъ формамъ, слѣдующимъ за капиталистической, минуя эту послѣднюю. Между тѣмъ г. Посниковъ, упомянувъ объ этомъ возраженіи, ни однимъ словомъ не опровергаетъ его, а только негодуетъ. Гражданское негодованіе, конечно, чувство очень почтенное, но, какъ и вообще чувства, эти „цвѣта и краски мыслей“, доказательной силы въ наукѣ оно не имѣетъ никакой, цѣну-же имѣетъ только тогда, когда основано на разумномъ, провѣренномъ доводами разсудка, убѣжденіи.

Истинный ученый, стоящій на высотѣ научныхъ требованій, претендующій къ тому-же на практическое разрѣшеніе вопроса, долженъ поступать не такъ; онъ долженъ забыть о своихъ личныхъ пристрастіяхъ къ тому или другому учрежденію, онъ долженъ забыть свои симпатіи или антипатіи, онъ долженъ свободно подходить къ изслѣдуемому явленію, долженъ изучать всѣ выдающіеся элементы въ представившемся ему явленіи и изслѣдовать природу и тенденцію каждаго элемента; преслѣдуя практическое рѣшеніе вопроса, онъ долженъ тщательно взвѣсить элементы съ содѣйствующими и противодѣйствующими экономическому прогрессу тенденціями, долженъ изслѣдовать вліяніе, оказываемое другъ на друга этими элементами при соединеніи, и затѣмъ уже

вывести, такъ сказать, балансъ изслѣдуемаго учрежденія, придти къ окончательному выводу.

Изъ сказаннаго уже видно, что планъ сочиненія г. Посникова неудаченъ, что, если бы даже планъ этотъ былъ осуществленъ вполнѣ и въ совершенствѣ, это еще не давало-бы автору права дѣлать тѣ заключенія, которыя онъ дѣлаетъ, что одна несостоятельность возраженій противъ общиннаго землевладѣнія, да еще и возраженій-то не всѣхъ, а нѣкоторыхъ, не даетъ права заключать объ экономической состоятельности общиннаго землевладѣнія.

До сихъ поръ мы вездѣ предполагали, что г. Посниковымъ будетъ доказана несостоятельность возраженій противъ общиннаго землевладѣнія, и видѣли, что даже и при такомъ предположеніи имъ не будетъ доказана экономическая состоятельность общины. Теперь мы обратимся къ самому содержанію его книги и посмотримъ, доказалъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, несостоятельность разбираемыхъ имъ возраженій противъ общиннаго землевладѣнія.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ его пріемами возраженія, столь-же неудачными, какъ и его пріемъ изслѣдованія. Г. Посниковъ признаетъ 4 главные упрека общинному землевладѣнію; слѣдуя своему пріему возраженія, онъ разбиваетъ свою книгу на части, въ которыхъ опровергаетъ примѣрами каждый доводъ порознь, поодиночкѣ. Противники общиннаго землевладѣнія говорятъ, что общинное землевладѣніе, т. е. такая форма, которая соединяетъ въ себѣ временность владѣнія землей, дробимость, чрезполосность и принудительную обработку полей (четыре указанные у автора довода), что такая форма несовмѣстима съ земледѣльческими успѣхами. Авторъ думаетъ, что онъ докажетъ противное, если найдетъ страну, въ которой временное владѣніе, будучи господствующей формой пользованія землей, совмѣстна съ успѣхами земледѣлія, затѣмъ, если укажетъ страну съ высокой агрикультурой, не смотря на дробимость земли и

т. д. Ниже будетъ показана вся непригодность такого индуктивнаго способа доказательства — примѣрами изъ жизни странъ, находящихся въ совершенно иныхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Теперь мы предположимъ даже, что авторъ воспользуется самымъ совершеннымъ пріемомъ индукціи, предположимъ, что дѣйствительность представитъ ему для сравненія страны, находящіяся въ совершенно одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Предположимъ, что онъ возьметъ сначала 2 страны съ одинаковою плотностью населенія, съ одинаковымъ развитіемъ путей сообщенія, съ равнымъ капиталомъ, ищущимъ занятія въ земледѣліи, словомъ, со всѣми одинаковыми сельско-хозяйственными условіями, но съ различными формами пользованія землей, одну съ временнымъ владѣніемъ, а другую—съ полною собственностью земледѣльца, и что, не смотря на это различіе, онъ найдетъ, что земледѣліе въ странѣ съ временнымъ владѣніемъ не стоитъ замѣтно ниже, чѣмъ въ странѣ съ полной собственностью и такимъ образомъ докажетъ, что временность владѣнія при извѣстныхъ прочихъ благопріятныхъ условіяхъ еще не составляетъ препятствія развитію земледѣлія. Допустимъ, что точно такимъ-же образомъ авторъ докажетъ подобную-же безвредность каждаго порознь изъ порицаемыхъ свойствъ общиннаго землевладѣнія,— но все-таки онъ не докажетъ, что соединеніе всѣхъ этихъ свойствъ вмѣстѣ такъ-же безвредно для развитія земледѣлія, какъ и каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Уже простое счисленіе показываетъ, что 4 недостатка больше, чѣмъ 1 недостатокъ, и если 1 препятствіе еще не задерживаетъ развитія земледѣлія, то 4 препятствія могутъ задерживать его и въ очень сильной степени.

Но кромѣ того въ данномъ случаѣ нельзя такъ совсѣмъ раздѣлять элементы, составляющіе явленіе, и трактовать каждый совершенно отдѣльно.

Но, скажутъ намъ, пріемъ, которымъ пользуется авторъ, есть анализъ, который съ успѣхомъ приложимъ къ изслѣдованію соціальныхъ явленій, и мы можемъ по-

нять послѣднія, только понявъ сначала дѣйствія составляющихъ ихъ элементовъ. Это справедливо; но вѣдь анализы бываютъ различные, смотря по роду явленій, къ изслѣдованію которыхъ они прилагаются; анализъ математическій, напримѣръ, совсѣмъ не то, что химическій, и здѣсь прежде всего выступаетъ различіе между анализомъ качественнымъ и количественнымъ. Для разъясненія вопроса, пригоденъ-ли тотъ анализъ, который употребляетъ нашъ авторъ, для соціологическихъ изслѣдованій, мы должны нѣсколько уклониться въ сторону и посвятить нѣсколько времени выясненію методологическихъ вопросовъ.

„Есть два рода соціологическихъ изслѣдованій“, говоритъ Д. С. Милль въ своей „Логикѣ“. „Въ первомъ предлагается вопросъ: какое дѣйствіе произойдетъ отъ данной причины, если предположить извѣстное общее состояніе соціальныхъ обстоятельствъ. Напримѣръ, какое дѣйствіе произведетъ введеніе или отмѣна хлѣбныхъ законовъ, уничтоженіе монархіи или введеніе общей подачи голосовъ при настоящемъ состояніи въ какой-нибудь европейской странѣ или-же подъ какимъ нибудь другимъ предположеніемъ относительно обстоятельствъ общества вообще, причемъ не принимаются во вниманіе перемѣны, которыя могутъ произойти или уже происходятъ въ этихъ обстоятельствахъ. Но есть изслѣдованіе другаго рода, именно, каковы законы, опредѣляющіе эти общія обстоятельства. Въ этомъ изслѣдованіи вопросъ не въ томъ, какое будетъ дѣйствіе данной причины въ извѣстномъ состояніи общества, а въ томъ, какія причины производятъ и какія явленія характеризуютъ состоянія общества вообще“ *). Для этого послѣдняго рода изслѣдованій, для этой „общей науки объ обществѣ“, какъ онъ ее называетъ, Милль, вслѣдъ за О. Контомъ, рекомендуетъ сравнительно-историческій методъ, который ими полно охарактеризованъ и пользуется уже широкимъ примѣненіемъ. Но методъ изслѣдова-

*) Система логики, стр. 490, томъ II.

ній перваго рода (къ которымъ относится занимающее насъ изслѣдованіе экономическаго значенія общиннаго землевладѣнія и методъ которыхъ для насъ здѣсь собственно важенъ) до сихъ поръ не разъясненъ и Миллемъ охарактеризованъ только отрицательно, хотя, впрочемъ, характеристика эта чрезвычайно драгоцѣнна. Онъ опровергаетъ возможность приложенія индукціи къ подобнымъ изслѣдованіямъ, также какъ и возможность геометрическихъ построеній въ этой области. Все его изложеніе старается доказать (вопреки Конту), что единственный возможный методъ въ изслѣдованіяхъ этого рода есть дедуктивный, но притомъ выводы, полученные имъ, должны быть провѣрены результатами наблюденія. Не описывая точно, какимъ именно образомъ долженъ быть примѣненъ дедуктивный методъ, онъ говоритъ только, что мы должны дедуцировать законъ дѣйствія каждаго элемента даннаго явленія и замѣчаетъ вскользь, что затѣмъ мы должны „*слагать эти законы*“, такъ какъ дѣйствіе, производимое сложнымъ явленіемъ, „строго равняется *суммѣ* дѣйствій“ составляющихъ его элементовъ *).

Милль вполнѣ опровергъ, дѣйствительно, возможность опредѣлить тенденцію и дѣйствіе элементовъ, полученныхъ чрезъ анализъ соціальнаго явленія, посредствомъ приложенія четырехъ пріемовъ индукціи. Отправляясь отъ данныхъ, полученныхъ посредствомъ наблюденія надъ природою отдѣльныхъ элементовъ, мы должны опредѣлять дедуктивнымъ путемъ тенденцію каждаго изъ нихъ, дѣйствіе, которое онъ стремится произвести. Но какимъ образомъ, зная тенденціи составляющихъ элементовъ, опредѣлить тенденцію цѣлаго? Должно-ли при этомъ ограничиться простымъ ариѳметическимъ суммированіемъ, какъ рекомендуетъ Милль? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ характера законовъ, управляющихъ соединеніями элементовъ соціальныхъ явленій. Положенія, относящіяся къ

*) Логика, т. II. стр. 471.

методу, говоритъ Контъ, суть въ тоже время и положенія самой доктрины и изъ нея заимствуются.

Способы соединенія элементовъ въ явленіяхъ различныхъ порядковъ различны и это различіе способовъ соединенія элементовъ въ явленіяхъ различныхъ порядковъ опредѣляетъ различіе анализовъ, употребляемыхъ въ различныхъ наукахъ. Въ математикѣ сложное цѣлое — число есть *сумма* составляющихъ его единицъ, оно отличается отъ своихъ составныхъ частей только количествомъ и обладаетъ всѣми тѣми качествами, которыми обладаютъ части. Поэтому математическій анализъ — самый простой. Переходя къ явленіямъ болѣе сложнымъ, мы встрѣчаемся и съ болѣе сложнымъ анализомъ при ихъ изслѣдованіи. Въ химическихъ явленіяхъ соединеніе отличается отъ своихъ элементовъ уже качественно и по свойствамъ элементовъ мы никакъ не можемъ заключать о свойствахъ цѣлаго. Изъ соединенія напр. кислорода и водорода получается тѣло, отъ нихъ совершенно отличное— вода, обладающая совсѣмъ иными свойствами, чѣмъ они. Явленія же соціальныя представляютъ еще болѣе сложности. Элементъ химическаго соединенія производитъ нѣчто отличное отъ себя по свойствамъ только въ соединеніи съ другимъ элементомъ. Если же мы возьмемъ одинъ и тотъ же элементъ въ удвоенномъ количествѣ, напр. кислородъ, то онъ сохранитъ всѣ свойства первоначальнаго количества и дѣйствіе его усилится только пропорціонально увеличенію его количества. Если напр. извѣстное количество кислорода окислитъ 1 ф. желѣза, то двойное его количество окислитъ не болѣе 2 фунт. Въ соціальныхъ же явленіяхъ часто одинъ и тотъ-же факторъ, увеличенный въ извѣстной степени, производитъ результаты, увеличенные не пропорціонально своему увеличенію, а въ гораздо большей степени. Для примѣра я возьму извѣстный разсказъ Адама Смита о булавочномъ производствѣ. Изъ этого разсказа видно, что одинъ рабочій не можетъ сдѣлать и 20-ти булавокъ въ день; между тѣмъ, если 10 рабочихъ соединятся вмѣ-

стѣ и станутъ дѣлать булавки, то они произведутъ въ день 48,000 булавокъ т. е. на долю каждаго придется 4,800 въ день.

Итакъ, мы видимъ, что въ соціальныхъ явленіяхъ даже соединеніе нѣсколькихъ количествъ *одного и того же* фактора дастъ результатъ много отличный отъ того, какой получился бы отъ *сложенія* результатовъ каждаго изъ этихъ количествъ. Тѣмъ болѣе соединеніе нѣсколькихъ различныхъ факторовъ должно дать результатъ отличный отъ того, который получился бы отъ сложенія результатовъ всѣхъ факторовъ, соединяющихся въ явленіи. Слѣдовательно, при изслѣдованіи соціальныхъ явленій мы должны изслѣдовать каждый элементъ отдѣльно и затѣмъ, опредѣляя дѣйствіе цѣлаго явленія, мы не должны ограничиваться *сложеніемъ* дѣйствій отдѣльныхъ элементовъ (какъ говоритъ Милль), а изслѣдовать также вліяніе, оказываемое этими элементами другъ на друга при соединеніи, и опредѣлить ихъ совокупное дѣйствіе.

А между тѣмъ авторъ нашъ думаетъ, что, опредѣливъ тенденцію каждаго изъ указанныхъ имъ 4-хъ элементовъ явленія, онъ тѣмъ самымъ опредѣлитъ и тенденцію всего явленія. Заключеніе, очевидно, совершенно ошибочное. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы было доказано, что передъ временностью владѣнія при прочихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не останавливается предпріимчивость хозяйственнаго субъекта; пусть будетъ также доказано, что ее не остановитъ и одна дробимость земли, одна принудительная обработка и чрезполосность;—дастъ-ли все это ручательство въ томъ, что всѣ эти 4 неблагопріятныя условія, соединившись вмѣстѣ, произведутъ на эту предпріимчивость тоже вліяніе, какъ и одно изъ нихъ? Дастъ ли это даже право утверждать, что, если задержка, производимая каждымъ изъ этихъ условій, будетъ равна a, b, c и d, то задержка, производимая ихъ соединеніемъ, будетъ равна a+b+c+d? Можетъ быть, соединеніе этихъ условій вмѣстѣ создастъ такое учрежденіе, которое противится всякому развитію хозяйства? Для отвѣта

на этотъ вопросъ надо изслѣдовать вліяніе, оказываемое этими факторами другъ на друга при соединеніи, ихъ совокупное дѣйствіе. Пока-же нашъ авторъ, для котораго всѣ эти вопросы даже какъ-будто не существуютъ, этого не сдѣлалъ, противники общиннаго землевладѣнія могутъ чувствовать себя нисколько не сконфуженными, если даже онъ докажетъ незначительность препятствія, оказываемаго развитію земледѣлія каждымъ изъ этихъ условій порознь.

Теперь мы разсмотримъ, какъ-же авторъ доказываетъ, что каждое изъ указываемыхъ противниками общиннаго землевладѣнія четырехъ послѣдствій его въ отдѣльности не препятствуетъ развитію земледѣлія. Пріемъ, которымъ пользуется обыкновенно г. Посниковъ, индуктивный. Находя страны, въ которыхъ то или другое послѣдствіе общиннаго землевладѣнія совмѣстно съ высокой земельной культурой, онъ заключаетъ обыкновенно, что оно не оказываетъ задерживающаго вліянія на развитіе земледѣлія. Странно встрѣчаться съ такого рода пріемами послѣ того, что было сказано о нихъ Миллемъ и послѣ того, какъ основанія Милля получили право гражданства въ наукѣ и вошли даже въ русскія сочиненія по методологіи, какъ напр. въ книгу проф. Сергѣевича „Задача и метода государственныхъ наукъ“, гдѣ эти основанія обстоятельно и ясно изложены. Разсужденія г. Посникова должны быть притомъ поставлены въ разрядъ тѣхъ, которыя Милль не считаетъ даже нужнымъ опровергать. Справедливость заставляетъ, говоритъ Милль, сражаться не съ самой нелѣпой, а съ самой разумной формой разбираемаго мнѣнія. Поэтому, продолжаетъ онъ, мы оставимъ въ сторонѣ разсужденія, которыя гласятъ, что, такъ какъ Англія процвѣтала при покровительственномъ тарифѣ, тарифъ этотъ есть учрежденіе полезное или что на томъ-же основаніи конституція Англіи прекрасна и тому подобныя *). Мы увидимъ сей-

*) Логика, т. II, стр. 453 и слѣд.

часъ, что разсужденія г. Посникова могутъ быть совершенно справедливо поставлены рядомъ съ этими мнѣніями. Мы постараемся показать всю несостоятельность этого пріема при разборѣ доводовъ, приводимыхъ г. Посниковымъ въ доказательство безвредности для земледѣлія временности владѣнія землей. Чувствуя, вѣроятно, неубѣдительность такого рода доказательствъ, г. Посниковъ присоединяетъ обыкновенно къ этому пріему другой, казалось-бы уже совершенно излишній, если съ помощью перваго что-нибудь доказано. Этотъ второй пріемъ состоитъ въ томъ, что авторъ объявляетъ указанное послѣдствіе, котораго безвредность онъ только что доказывалъ, не неизбѣжно связаннымъ съ общиннымъ владѣніемъ и легко устранимымъ. Частое употребленіе этого послѣдняго пріема происходитъ отъ неопредѣленности самаго понятія объ общинномъ владѣніи у автора: мы увидимъ, что онъ объявляетъ случайными тѣ свойства его, которыя онъ самъ признаетъ за драгоцѣннѣйшія и самыя существенныя.

Съ обоими этими пріемами мы встрѣчаемся и въ первой его диссертаціи, посвященной изслѣдованію фермерскаго хозяйства въ Англіи, съ помощью котораго авторъ хотѣлъ доказать, что срочность владѣнія, являющаяся слѣдствіемъ періодическаго передѣла, не задерживаетъ произведенія затратъ на улучшеніе земли. Разсмотримъ, насколько достигнута имъ эта цѣль.

Авторъ задается вопросомъ, „дѣйствительно-ли только одно право частной собственности ручается за возвратъ затрачиваемаго на землю? Основательность этого убѣжденія можетъ считаться (говоритъ онъ) безспорною тогда, когда въ странахъ развитаго земледѣлія всѣ улучшенія сдѣланы собственниками земель“.

Мы же съ своей стороны полагаемъ, что основательность эта никогда не можетъ, да еще и никѣмъ не считалась безспорной. Неужели можно думать, чтобы кто нибудь серьезно вѣрилъ подобной нелѣпости, не требующей опроверженія? Если мы даже найдемъ у кого-ли-

бо изъ писателей подобную фразу, то понимать ее буквально—въ высшей степени странно. Ясно, что сказавшій ее хотѣлъ только выразить превосходство частной собственности и сказать, что, при равныхъ условіяхъ, есть такія улучшенія, которыя предпримутся собственниками, но невыгодны для временнаго владѣльца. Но интересно было бы видѣть утверждающаго, что въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ временный владѣлецъ не станетъ пахать землю — это тоже несомнѣнно есть улучшеніе, ибо земля дала бы кое-что и безъ пахоты и есть системы хозяйства, при которыхъ земля не пашется,—или что въ странѣ, хозяйственныя условія которой подобны бельгійскимъ, временный владѣлецъ не сталъ бы удобрять землю. А между тѣмъ г. Посниковъ посвящаетъ половину своей книги подробному до мелочей изслѣдованію современнаго фермерскаго хозяйства Англіи съ цѣлію опровергнуть приведенное имъ и безъ того очевидно нелѣпое положеніе. Своимъ кропотливымъ изслѣдованіемъ авторъ дѣйствительно доказалъ, и безъ того, впрочемъ, извѣстный, фактъ, что въ Англіи, „исключая работъ, производящихся на общегосударственный счетъ, временный владѣлецъ земли—фермеръ предпринимаетъ самъ всякія изъ земельныхъ улучшеній, къ какому бы виду они не принадлежали“. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Значитъ ли это, что фермеръ болѣе или, по крайней мѣрѣ, въ одинакой степени склоненъ къ затратамъ на улучшенія, какъ и собственникъ? Даетъ-ли все это ручательство въ томъ, что англійскій фермеръ, будь онъ не фермеръ, а собственникъ своего участка, съ меньшей энергіей и въ меньшихъ или даже въ такихъ же размѣрахъ предпринималъ бы улучшенія, чѣмъ теперь, будучи фермеромъ? Можетъ-ли авторъ на основаніи приведенныхъ имъ фактовъ выдавать за истину, „что процвѣтаніемъ своего сельскаго хозяйства Англія обязана фермерамъ,“ (стр. 55) и утверждать, что фермерство есть чуть-ли не наилучшая форма пользованія землей, какъ онъ это дѣлаетъ? Развѣ высота агрикультуры обусловливается только способомъ

владѣнія землею, развѣ это даже ея главный факторъ? Можно-ли, видя въ странѣ высокое развитіе земледѣлія, заключать безусловно о хорошемъ поземельномъ устройствѣ страны? Есть страны и впереди ихъ должно поставить, безспорно, Англію, въ которыхъ, благодаря густотѣ населенія, богатству капиталовъ, быстрымъ и многочисленнымъ путямъ сообщенія, изобилію свѣдущихъ техниковъ и множеству другихъ благопріятныхъ причинъ, всегда будетъ интензивнѣйшая культура, хотя бы мы нарочно установили въ нихъ самое неблагопріятное поземельное устройство. Фермерство тутъ ни причемъ и, напротивъ, надо думать, „совершенно“ не „справедливы полагающіе, что процвѣтаніемъ своего сельскаго хозяйства Англія обязана фермерамъ“. Автору самому извѣстно, что „земледѣліе можетъ быть въ упадкѣ, когда имъ занимается лицо, пользующееся землей въ теченіи извѣстнаго срока, совершенно также, какъ оно можетъ падать, находясь въ рукахъ наслѣдственнаго владѣльца или частнаго собственника“ (стр. 80) „Югъ Англіи сравнительно съ другими частями ея чрезвычайно отсталъ въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ, а между тѣмъ какъ тамъ, такъ и здѣсь хозяйство находится въ рукахъ фермеровъ“ (ib.).

Далѣе, никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что для опредѣленія способности фермера дѣлать улучшенія надо обратиться „прежде всего къ примѣру Англіи“. „Мы встрѣчаемъ тамъ одновременное существованіе двухъ классовъ, представителей отдѣльныхъ интересовъ: классъ временныхъ владѣльцевъ земли (фермеровъ) и классъ поземельныхъ собственниковъ“ (стр. 6). Именно потому, что интересы ихъ отдѣльны, какъ различны и сферы ихъ дѣятельности, сравненіе между собственникомъ и временнымъ владѣльцемъ на этой почвѣ невозможно. Напротивъ, скорѣе слѣдовало бы обратиться къ континентальнымъ странамъ, гдѣ одновременно занимаются земледѣліемъ и фермеръ, и собственникъ. Сравнивая хозяйство тѣхъ и другихъ, авторъ, вѣроятно, пришелъ бы къ

иному выводу, съ точки зрѣнія котораго было бы понятно, почему „земли западной и восточной Фландріи, области самой высокой культуры Бельгіи, обработываются почти исключительно фермерами, между тѣмъ какъ въ Люксембургѣ, гдѣ большая часть земли плоха и сравнительно невысокой цѣнности, она обработывается преимущественно собственниками“ (стр. 61. прим.).

Авторъ полагаетъ, что въ пользу временнаго владѣнія говоритъ уже то, что оно принесло такіе плоды и такъ распространено именно въ Англіи. „Если-бы Англія (говоритъ онъ) представляла даже единственный примѣръ отступленія отъ общаго правила, если-бы во всемъ извѣстномъ мірѣ не существовало фактовъ, такъ сильно противорѣчащихъ теоріи необходимости частной собственности, она все-таки не могла-бы устоять. Наши примѣры взяты изъ страны, характеръ экономическихъ явленій которой носитъ на себѣ всѣ признаки бо́льшей зрѣлости, полноты, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ; только здѣсь мы можемъ наблюдать то почти безграничное дѣйствіе начала конкурренціи, которое дало возможность появиться ученію о рентѣ, прибыли, рабочей платѣ и цѣнѣ“ (стр. 56). Въ общемъ послѣднія слова, взятыя у Милля, конечно, справедливы, но что касается поземельныхъ отношеній, то трудно найдти страну, въ которой-бы эти отношенія болѣе противорѣчили принципамъ политической экономіи, въ которой-бы мы встрѣчали явленія болѣе необъяснимыя съ точки зрѣнія „дѣйствія начала конкурренціи“ и „ученія о рентѣ, прибыли и рабочей платѣ“, какъ ирландскія rack-rents и пр. и пр. Можно было-бы привести изъ того-же Милля страницы, краснорѣчиво говорящія о полномъ несогласіи поземельнаго устройства Англіи съ принципами истинной политической экономіи. На слѣдующей страницѣ разбираемой книги мы находимъ и причину распространенія въ Англіи такого нераціональнаго пользованія землей—временнаго. Тамъ мы читаемъ, что „благодаря господству субститутовъ, крайне дорогой и запутанной процедурѣ, сопряженной съ пріобрѣтеніемъ

земель, и риску, которому подвергается всякій покупатель при возможности пріобрѣтенія отъ лицъ, не имѣвшихъ права отчуждать, земля остается въ неподвижности, близкой къ main morte". Очевидно, что такія стѣснительныя условія и то положеніе поземельной собственности, которое изъ нихъ вытекаетъ и которое изображено въ знаменитыхъ, много разъ цитированныхъ словахъ изъ рѣчи Брайта, нисколько не согласно съ „свободнымъ дѣйствіемъ начала конкурренціи"; фермерство, слѣдовательно, является формой не свободно избранной, благодаря ея хозяйственнымъ удобствамъ, а вынужденной нелѣпымъ законодательствомъ.

Итакъ нельзя не считать попытку обращаться въ настоящемъ вопросѣ за примѣрами къ англійскому фермерству— неудавшеюся. Нельзя даже согласиться съ однимъ изъ рецензентовъ, который, вѣроятно за неимѣніемъ лучшей похвалы, назвалъ пріемъ г. Посникова „оригинальнымъ, въ хорошемъ смыслѣ" *). Сравненіе нашего общинника съ англійскимъ фермеромъ далеко не ново, чуть-ли не избито. Не говоря уже о позднѣйшихъ защитникахъ общиннаго землевладѣнія, ссылавшихся на англійскаго фермера, ссылку эту можно найти у одного изъ первыхъ его защитниковъ, у г. Чернышевскаго. Показавъ, что въ Англіи и Франціи господствуетъ система фермерства, послѣдній спрашиваетъ: „въ лучшее ли положеніе относительно выгодъ, доставляемыхъ прочнымъ улучшеніемъ человѣку, производящему ихъ, поставлена принципомъ частной собственности англійская и французская земля, нежели земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи?.... Итакъ при общинномъ владѣніи человѣкъ, производящій прочныя улучшенія, имѣетъ болѣе интереса производить ихъ, нежели фермеръ". Но г. Чернышевскій идетъ до конца и не скрываетъ, „что фермерство чрезвычайно противно всякимъ прочнымъ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что нѣтъ такой системы земледѣлія, которая-бы менѣе

*) Знаніе. 1875. № V. Статья П. Карѣева.

удовлетворяла условіямъ, нужнымъ для прочныхъ, долговременныхъ улучшеній. Но все-таки англійское сельское хозяйство находится въ хорошемъ положеніи—это не говоритъ въ пользу раціональности поземельнаго устройства, а говоритъ только, что житейская необходимость сглаживаетъ вредныя послѣдствія неразумныхъ учрежденій" *) Г.-же Посниковъ превозноситъ фермерство и если кому онъ оказалъ этимъ услугу, то не общинному землевладѣнію, а его противникамъ, англоманамъ, „отечественнымъ лордамъ", приверженцамъ крупной поземельной собственности и фермерскаго хозяйства.

Итакъ г. Посниковъ считаетъ, какъ мы видѣли, доказаннымъ, что временность владѣнія нисколько не препятствуетъ развитію земледѣлія, напротивъ, даже благопріятна для него; казалось-бы на этомъ слѣдовало-бы успокоиться и не предлагать никакихъ мѣръ, стремящихся парализовать его послѣдствія. Но г. Посниковъ поступаетъ иначе и, истративъ полкниги на доказательство прекрасныхъ послѣдствій для земледѣлія, происходящихъ отъ временнаго владѣнія, рекомендуетъ затѣмъ, какъ коррективъ его, установленіе закономъ выработаннаго самой жизнью въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Англіи tenant right'a, т. е. права временнаго владѣльца – фермера требовать вознагражденія за улучшенія, которыя онъ произвелъ, но которыми не воспользовался. Авторъ рекомендуетъ предоставить это право у насъ какъ арендатору, такъ и члену общины. Я полагаю, что мѣра эта не приложима у насъ и, если и будетъ приложена, дастъ развѣ самые ничтожные результаты. Авторъ думаетъ, что эта мѣра сильно подыметъ у насъ арендное хозяйство, дурное состояніе котораго онъ при этомъ показываетъ, и для доказательства ссылается на Англію. Въ Англіи, дѣйствительно, человѣкъ, желающій приложить свой капиталъ къ земледѣлію, снимаетъ землю въ аренду и, если только имѣетъ увѣренность въ воз-

---

*) О поземельной собственности. Н. Чернышевскаго. Современникъ. 1857. № 11.

ратѣ затрачиваемаго, производить затраты въ обширныхъ размѣрахъ. У насъ-же арендная форма хозяйства развита очень мало; люди, желающіе приложить капиталъ къ сельскому хозяйству, пріобрѣтаютъ землю въ собственность, что у насъ очень доступно и что, конечно, удобнѣе; арендаторы-же наши—это почти повсемѣстно барышники, middlemen, ничего не понимающіе въ сельскомъ хозяйствѣ и имъ не занимающіеся, не дѣлающіе никакихъ затратъ на улучшеніе земли даже вначалѣ долгосрочной аренды, когда возвратъ затраченнаго и безъ tenant right'a имъ вполнѣ обезпеченъ.

Рекомендуя же это учрежденіе для русской общины, г. Посниковъ впадаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собой. Совѣтъ приложить tenant right къ общинному землевладѣнію есть большая уступка противникамъ его, въ этомъ совѣтѣ заключается отрицаніе самаго существеннаго, главнаго принципа общиннаго владѣнія, по которому каждый вновь народившійся членъ общины имѣетъ право на равное со всѣми прочими членами участіе въ пользованіи землей,—принципа, который г. Посниковъ признаетъ за „драгоцѣнную черту, которую надо удерживать всѣми зависящими средствами, свойство, въ силу котораго общинное землевладѣніе имѣетъ великое соціальное значеніе". (Вып. II, стр. 218). Tenant right отрицаетъ этотъ принципъ, ибо при его осуществленіи вновь народившійся членъ общины будетъ имѣть меньшія права, чѣмъ остальные: онъ долженъ будетъ уплатить за улучшенія надѣла, поступающаго ему, тогда какъ прежніе общинники не только будутъ пользоваться своимъ надѣломъ безъ всякой платы, но и получатъ съ новаго вознагражденіе. Возьмемъ 2 семьи, обѣ улучшавшія свои надѣлы. Если одна изъ этихъ семей сократится на половину, а другая увеличится вдвое, то членъ первой семьи получитъ кромѣ своего участка еще вознагражденіе за отошедшую отъ него землю, тогда какъ членъ второй, получивъ участокъ одинаковый съ нимъ, не только не получитъ никакого вознагражденія, но еще

его и уплатитъ. И мы видимъ, что вездѣ, гдѣ существуетъ защищаемая г. Посниковымъ форма общиннаго землевладѣнія и гдѣ, слѣдовательно, признается это право каждаго новаго члена общины на равный съ прочими надѣлъ, новый членъ пользуется безвозмездно всѣми улучшеніями, сдѣланными прежними владѣльцами его участка. Если община, состоящая изъ 3-хъ хозяевъ, произведетъ, положимъ, осушку болота; если затѣмъ двое изъ этихъ хозяевъ оставятъ по 2 сына, а одинъ — одного, — то этотъ единственный сынъ получаетъ равную съ остальными часть осушеннаго болота т. е. $^1/_3$ и не можетъ требовать съ остальныхъ вознагражденія за недоставшуюся ему часть трети болота, осушенной его отцомъ, т. е. за $^1/_3 — ^1/_5 = ^2/_{15}$ или около $^1/_7$ всего болота. Такой порядокъ раздѣла можно часто наблюдать въ общинахъ сравнительно недавно заселенныхъ мѣстностей, гдѣ, по разсказамъ старожиловъ, лѣтъ 100—150 тому назадъ земля была покрыта лѣсомъ, кустарниками и заросена бурьяномъ. Первоначальные поселенцы должны были совершить тяжелый трудъ приведенія этой мѣстности въ состояніе годное для хлѣбопашества—выжечь лѣса, вырыть пни, выпахать бурьянъ и проч. Земля, улучшенная такимъ образомъ, находится нынѣ во владѣніи всей общины и раздѣляется между всѣми членами поровну. А между тѣмъ первоначальные поселенцы оставили послѣ себя часто далеко не равное потомство; потомки нѣкоторыхъ очень многочисленны, а потомки другихъ состоятъ всего изъ 1—2 семей и однако же эти немногочисленные потомки получаютъ такую же долю улучшенной земли, какъ и многочисленные потомки предковъ, наравнѣ участвовавшихъ въ улучшеніи, и не могутъ требовать съ своихъ сообщинниковъ вознагражденія за недоставшуюся имъ часть улучшенной ихъ предками доли. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ признается за общинникомъ право воспользоваться самому улучшеніями, производимыми имъ на своемъ надѣлѣ, это признаніе ведетъ къ выдѣленію улучшенныхъ участковъ въ посто-

ящное владѣніе улучшавшихъ хозяевъ т. е. къ распаденію общиннаго владѣнія. Такъ въ Архангельской губерніи, по свидѣтельству г. Ефименко, „если податная земля была во все время хорошо *наблюдаема*, то она не отбирается отъ кореннаго владѣльца ни при общемъ раздѣлѣ, ни послѣ, хотя изъ владѣнія того семейства и приводилось почему-либо отрѣзать на души другихъ“ *). Если г. Посниковъ говоритъ, что „наше Положеніе о Выкупѣ вводитъ принципъ крайне вредный и совершенно чуждый народному характеру, узаконяя, что поселянинъ, уплатившій выкупную ссуду за извѣстное число душевыхъ надѣловъ, участвуетъ въ послѣдующихъ передѣлахъ съ правомъ полученія количества десятинъ, за которое онъ уплатилъ ссуду“ (Вып. II, стр. 221), то какъ рѣшается онъ совѣтовать примѣненіе tenant right'a къ общинному быту? Такимъ образомъ г. Посниковъ грѣшитъ въ этомъ случаѣ явною непослѣдовательностью, разрушая то свойство общиннаго владѣнія, которымъ онъ всего болѣе дорожитъ и которое признаетъ за самый существенный принципъ его. Такая непослѣдовательность, неоднократно, какъ будетъ указано, встрѣчаемая въ его сочиненіи, проистекаетъ, какъ кажется, отъ того, что авторъ не имѣетъ яснаго и опредѣленнаго понятія объ общинномъ землевладѣніи, что онъ не отдалъ себѣ точнаго отчета о томъ, что составляетъ его сущность и неотъемлемыя свойства. Вслѣдствіе этой-то неясности самаго понятія о томъ явленіи, которое онъ взялся защищать, даетъ онъ такое широкое примѣненіе любимому своему пріему опровергать возраженія противъ общиннаго землевладѣнія, состоящему въ томъ, что, взявъ какое-нибудь возраженіе, указывающее на то или другое свойство или послѣдствіе общиннаго владѣнія, какъ на препятствующее развитію земледѣлія, онъ говоритъ, что это свойство вовсе не связано необходимо съ общиннымъ

---

*) Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ. П. Ефименко. Стр. 76.

владѣніемъ, которое мыслимо и безъ этого свойства. Переходя ко второй его диссертаціи, мы и здѣсь встрѣчаемся съ этимъ же пріемомъ, причемъ авторъ неоднократно доходитъ до отрицанія или забвенія о передѣлахъ. Этотъ второй выпускъ сочиненія опровергаетъ 3 возраженія, дѣлаемыя общинному владѣнію: во 1-хъ, что оно влечетъ за собою принудительную систему хозяйства, во 2-хъ, что съ нимъ связана чрезполосность. и въ 3-хъ, что оно влечетъ за собой неограниченную дробимость земли.

Приступая къ опроверженію перваго возраженія, г. Посниковъ говоритъ: „Въ силу дѣленія общинной земли на многіе коны и жеребьи, причемъ въ каждомъ изъ нихъ всякій хозяинъ получаетъ по одной полосѣ, земля, отводимая отдѣльному общиннику, разбросана въ разныхъ мѣстахъ, или, какъ говорятъ, она лежитъ чрезполосно,— обстоятельство, дѣлающее, какъ утверждаютъ нѣкоторые, неизбѣжнымъ существованіе принудительной обработки и неподвижность земледѣлія. Упрекъ общинному владѣнію, сдѣланный въ такой формѣ“, продолжаетъ онъ, „заставляетъ предполагать, что чрезполосица и вытекающая изъ нея принудительная обработка существуютъ единственно при общинномъ владѣніи, составляя его исключительную особенность, совершенно неизвѣстную при господствѣ частной собственности на землю“ (Вып. II. стр. 5 — 6). Выведя самъ такое заключеніе, г. Посниковъ старательно его опровергаетъ. Между тѣмъ старанія его напрасны, ибо кромѣ него, вѣроятно, никто не дѣлалъ подобныхъ заключеній. Изъ этого упрека можно вывести только то, что принудительная обработка является обычнымъ слѣдствіемъ общиннаго владѣнія, тогда какъ при частной собственности она представляетъ явленіе исключительное. Этого послѣдняго упрека г. Посниковъ не опровергъ, да, какъ кажется, и не могъ опровергнуть.

Принудительная обработка, какъ признаетъ г. Посниковъ вслѣдъ за нѣмецкими писателями, можетъ происходить отъ 2-хъ причинъ: во 1-хъ, хозяинъ не можетъ

быть свободенъ въ своемъ хозяйствѣ, если другія лица имѣютъ право пастьбы скота на его угодьяхъ въ извѣстные сроки; во 2-хъ, когда полосы его такъ разбросаны и мелки, что онъ не можетъ запахать ихъ раньше другихъ, безъ того, чтобы онѣ не были потомъ затоптаны, ни проѣхать къ нимъ прежде, чѣмъ сосѣди уберутъ свои полосы. По нашему мнѣнію, есть еще *третья* причина принудительной обработки при общинномъ землевладѣніи, совершенно упущенная нѣмецкими писателями, а вслѣдъ за ними и г. Посниковымъ. Если даже обѣ эти вышеупомянутыя причины будутъ устранены, то и тогда общинники будутъ до извѣстной степени не свободны въ выборѣ системы хозяйства. Причина эта—передѣлъ. Если-бы существовала свобода обработки, то во время передѣла участки различныхъ хозяевъ, ведшихъ свое хозяйство по различнымъ системамъ и употреблявшихъ различные сѣвообороты, находились-бы въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и вслѣдствіе общей мѣны участковъ общиннику пришлось-бы взять участокъ, приспособленный къ совсѣмъ иного рода хозяйству и сѣвообороту, чѣмъ какіе онъ ведетъ самъ и лишиться участка, приспособленнаго къ его хозяйству. Хозяинъ, напримѣръ, ведущій интензивное однополье хозяйство и занимающійся, положимъ, воздѣлываніемъ табака, лишится при передѣлѣ своего участка и получитъ другой, на которомъ велось пятиполье хозяйство и на которомъ слѣдуетъ сѣять, положимъ, клеверъ, ему совершенно не нужный. Такимъ образомъ существованіе свободы въ выборѣ системы хозяйства при общинномъ владѣніи влекло-бы за собою вслѣдствіе передѣла большое разстройство въ хозяйствѣ и для избѣжанія пертурбацій общинники должны держаться приблизительно одинаковой системы хозяйства. Притомъ очевидно, что обязанность эта для нихъ тѣмъ строже, чѣмъ чаще бываютъ передѣлы. Г. Посниковъ совершенно упустилъ, какъ уже сказано, эту причину принудительной обработки и потому выводы его относительно принудительной обработки, сдѣланные на основаніи разсмотрѣ-

нія только нѣкоторыхъ причинъ явленія, не могутъ быть основательны, если даже разсмотрѣніе двухъ признаваемыхъ авторомъ причинъ приведетъ къ такимъ выводамъ.

Эти двѣ причины—пастьба скота и чрезполосность. Насколько послѣдняя причина свойственна общинному владѣнію, будетъ нами показано при разсмотрѣніи вопроса о чрезполосности, теперь-же мы разсмотримъ вліяніе пастьбы скота.

Обязанность допускать на свои земли скотъ для пастьбы обыкновенно лежитъ на членахъ общины, связанныхъ взаимнымъ правомъ пускать скотъ на общинную землю. Эта же обязанность можетъ лежать и на частномъ собственникѣ, когда земля его отягощена сервитутомъ. Но это послѣднее обстоятельство не есть обыкновенное при частной собственности, а исключительное и существованіемъ его опровергается только то нелѣпое заключеніе, которое г. Посниковъ сдѣлалъ самъ, и нисколько не противорѣчитъ тому, которое выведено нами выше. Стяжавъ такимъ образомъ легкую побѣду надъ сочиненнымъ имъ самимъ положеніемъ, авторъ прилагаетъ къ опроверженію упрека о принудительной обработкѣ тотъ свой обычный пріемъ, о которомъ уже было нами упомянуто. „Мы должны провѣрить“, говоритъ онъ, „дѣйствительно-ли общинное владѣніе всегда и неизбѣжно связано съ принудительной обработкой до такой степени, что самое существованіе его становится невозможнымъ безъ существованія послѣдней,“ и здѣсь снова договаривается до отрицанія передѣловъ, по крайней мѣрѣ защищаемыхъ имъ частыхъ передѣловъ. Для рѣшенія этого вопроса г. Посниковъ обращается къ западнымъ государствамъ, разсматриваетъ, какими способами уничтожается тамъ принудительная обработка, которой подлежатъ земли, отягощенныя сервитутами, и затѣмъ рѣшаетъ, могутъ-ли быть примѣнены эти способы и къ общинному владѣнію. Способы эти слѣдующіе. Во Франціи сервитуты отмѣняются посредствомъ предоставленія каждому собственнику права огораживать всякую принадлежащую

ему парцеллу. Стоитъ только ему огородить свой участокъ —этимъ самымъ сервитутъ уничтоженъ. „Со стороны существа общиннаго землевладѣнія“, говоритъ авторъ, „нѣтъ ничего препятствующаго предоставленію такого-же точно права каждому члену общиннику“ (стр. 88). „Какъ не противорѣчитъ существу общиннаго землевладѣнія (продолжаетъ авторъ) способъ отмѣны сервитутовъ, принятый во Франціи, такъ точно не противорѣчитъ ему и способъ прусскій“ (стр. 89).

Этотъ послѣдній состоитъ въ томъ, что въ случаѣ, если не менѣе $^1/_4$ поселянъ, пользующихся взаимнымъ правомъ пастьбы на земляхъ другъ друга, пожелаютъ отмѣнить на своихъ участкахъ этотъ выпасъ скота, то имъ разрѣшается просить отвода земли къ одной сторонѣ, въ отдѣльный участокъ. Способъ этотъ, по словамъ самого автора, самый дорогой, неудобный, притомъ отмѣняющій сервитуты лишь отчасти и въ виду его дороговизны законъ постановилъ не приступать къ отмежеванію, если его будутъ требовать менѣе $^1/_4$-ти поселянъ и затѣмъ, послѣ этого размежеванія, прошенія отъ другой четверти о размежеваніи и для нихъ принимаются не ранѣе 12 лѣтъ. „Не рѣшая“, говоритъ авторъ, „вопроса о сравнительной выгодности этихъ способовъ, мы можемъ сказать только, что ни одинъ изъ существующихъ способовъ отмѣны сервитутовъ выгона, принятыхъ на западѣ, не противорѣчитъ общинному владѣнію и каждый изъ нихъ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ для отмѣны выгоновъ при господствѣ этой формы владѣнія, такъ какъ нѣтъ никакой необходимости ради отмѣны выгона измѣнять ее въ частную собственность“ (Стр. 91). Это свое мнѣніе г. Посниковъ высказываетъ совершенно голословно, не приводя никакихъ основаній въ его пользу, и впадаетъ здѣсь, какъ мы постараемся показать, въ самую странную ошибку для человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ общиннымъ бытомъ и стоящаго въ тоже время за частые передѣлы, утверждающаго, что „даже крайне опасно заботиться объ особенномъ про-

дѣніи сроковъ, на которые дѣлается передѣлъ“ (стр. 219). Спрашивается, возможно-ли нашему общиннику огораживать свой участокъ, подобно французскому поселянину? При общинномъ владѣніи надѣлъ каждаго хозяина состоитъ изъ многихъ мелкихъ, длинныхъ и узкихъ полосъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ общиннаго поля. Пусть этотъ хозяинъ поступитъ такъ, какъ французскій поселянинъ, и предприметъ дорогую работу — огородитъ свои парцеллы. Черезъ годъ, три или пять, когда наступитъ общій передѣлъ полей, весь трудъ его пропадетъ даромъ, ибо ему достанутся уже совсѣмъ другія парцеллы да и самыя очертанія полосъ измѣнятся, и ему придется вновь поднимать камень Сизифа, который при новомъ передѣлѣ вновь полетитъ внизъ. Французскій поселянинъ, сдѣлавъ около своего участка изгородь, пользуется ею, пока она не развалится, т. е. въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Напъ-же общинникъ можетъ примѣнять этотъ способъ только при крайне рѣдкомъ передѣлѣ, чѣмъ-же чаще передѣлъ, тѣмъ болѣе будетъ препятствій къ его примѣненію. То-же должно сказать и о другомъ, рекомендуемомъ г. Посниковымъ, способѣ уничтоженія выпаса — прусскомъ. Какъ уже было сказано, прусскій законъ уничтоженіе сервитута выпаса соединяетъ съ полнымъ разверстаніемъ. Чтобы уничтожить сервитутъ, надо выдѣлить участокъ совсѣмъ особо. Операція эта такъ трудна и такъ дорога, что прусскій законъ дозволяетъ производить ее для земель одного селенія не болѣе 3-хъ разъ—каждый разъ для $^1/_4$ селенія—и притомъ эти 3 разверстанія могутъ быть произведены не ближе, какъ черезъ 12 лѣтъ одно послѣ другаго. По этому можно судить, есть-ли какая нибудь экономическая возможность приложить этотъ способъ къ общинному землевладѣнію, при которомъ всѣ результаты этого тяжелаго и цѣннаго труда должны быть уничтожены черезъ нѣсколько лѣтъ—при общемъ передѣлѣ, когда весь трудъ надо будетъ начинать снова, и затѣмъ повторять при каждомъ новомъ передѣлѣ.

Чтобы покончить съ той частью книги г. Посникова, которая трактуетъ о принудительной обработкѣ, нужно еще упомянуть о приводимомъ имъ селеніи Котловѣ, гдѣ, какъ удалось наблюсти автору, не существуетъ принудительной обработки, несмотря на общинное владѣніе. Примѣръ этотъ опровергаетъ только самую нелѣпую форму опровергаемаго имъ упрека, т. е. такую форму, которую онъ обыкновенно избираетъ для своихъ возраженій и на опроверженіе которой совершенно напрасно тратитъ свой трудъ. Примѣръ села Котлова опровергаетъ только то мнѣніе, которое утверждаетъ, что „общинное владѣніе всегда и неизбѣжно связано съ принудительной обработкой, безъ которой оно немыслимо“, если только такія мнѣнія существуютъ гдѣ-либо, кромѣ воображенія г. Посникова.

Въ селѣ Котловѣ стеклось, вѣроятно, много совершенно исключительныхъ условій, потому что и примѣръ то оно представляетъ исключительный. Жаль, что авторъ не далъ намъ хотя какого-нибудь описанія порядковъ, существующихъ въ этомъ селеніи. Мы узнаёмъ только отъ него, что оно владѣетъ столь обширными и тучными пастбищами, что выгоняетъ скотъ на паръ лишь позднею осенью. Затѣмъ, есть основаніе предполагать, что, если въ селѣ Котловѣ бываютъ передѣлы, то очень рѣдко. Это вытекаетъ изъ той связи, которая существуетъ между принудительной обработкой и передѣлами, составляющими одну изъ причинъ ея при общинномъ владѣніи, какъ это было указано нами выше. И г. Посникову, утверждающему, что „крайне опасно заботиться объ особенномъ продленіи сроковъ, на которые дѣлается передѣлъ“, не слѣдовало бы указывать на это село, какъ на образецъ.

Затѣмъ мы переходимъ къ отдѣлу книги, посвященному чрезполосности. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми же пріемами. Сначала авторъ старается доказать, что чрезполосность не вредитъ или вредитъ весьма мало успѣхамъ земледѣлія, а затѣмъ доказываетъ, что чрез-

полосность не связана необходимо съ общиннымъ владѣніемъ, что, какъ и при частной собственности, она можетъ быть при немъ и не быть. Доказательства безвредности чрезполосности для земледѣлія того-же рода, какъ и доказательства безвредности временности владѣнія. Безвредность эта доказывается, по мнѣнію г. Поспикова, тѣмъ общимъ высокимъ состояніемъ земельной культуры при малыхъ хозяйствахъ, которымъ отличаются такія мѣстности, какъ Вэсъ въ Бельгіи, гдѣ землевладѣніе характеризуется крайней чрезполосностью. Не повторяя тѣхъ доводовъ, доказывающихъ полную несостоятельность подобныхъ разсужденій, которые мы приводили уже, говоря о временности владѣнія, скажемъ только, что и въ настоящемъ случаѣ примѣры, а именно примѣръ округа Вэсъ, ничего не доказываютъ. Земледѣліе тамъ можетъ быть въ хорошемъ состояніи, *несмотря* на чрезполосность: остальныя условія тамъ слишкомъ благопріятны и, если бы чрезполосности тамъ не было, то земледѣліе было бы, вѣроятно, еще лучше.

Затѣмъ авторъ входитъ въ разсмотрѣніе неудобствъ, проистекающихъ для земледѣлія изъ чрезполосности, и находитъ ихъ всѣ малосущественными (стр. 136 и слѣд.). Мы думаемъ, что сужденіе о *размѣрѣ* вреда для земледѣлія отъ чрезполосности должно быть предоставлено спеціалистамъ-агрономамъ. Сужденія же экономистовъ, практически и спеціально незнакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, будутъ отличаться субъективностью и неопредѣленностью. Таковы именно сужденія г. Поспикова. Такъ, говоря о невозможности примѣненія къ обычнымъ весьма узкимъ полосамъ поперечнаго паханія, онъ замѣчаетъ: „это несомнѣнно неудобство“, но несомнѣнно также, продолжаетъ онъ, что это неудобство неважное, такъ какъ паханіе поперекъ можно замѣнить однимъ тщательнымъ паханіемъ вдоль „и все это неудобство выразится только въ необходимости израсходовать бо́льшее количество труда“. Все это разсужденіе ни на чемъ не основано. Авторъ настоящей статьи, основываясь на своемъ нѣкото-

ромъ знакомствѣ съ практическимъ сельскимъ хозяйствомъ, думаетъ наоборотъ, что при нашей убогой русской сохѣ невозможность пахать поперекъ—большое неудобство и что г. Посниковъ слишкомъ легко относится къ „необходимости израсходовать бо́льшее количество труда“; все дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ съ возможно меньшимъ расходомъ труда. Но мы, какъ г. Посниковъ, можетъ высказывать только болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, но не можемъ, какъ и онъ, точно рѣшить вопроса о размѣрѣ вреда, производимаго невозможностью пахать поперекъ. Точно также произвольно и бездоказательно мнѣніе г. Посникова о ничтожности потери времени, происходящей отъ переѣзда отъ одной полосы къ другой, переѣзда, являющагося неизбѣжнымъ при разбросанности полосъ, лежащихъ чрезполосно. Мнѣніе свое г. Посниковъ ничѣмъ не подтверждаетъ и мы, можетъ быть, съ бо́льшею основательностію можемъ говорить, что въ краткую нашу рабочую пору потеря времени и труда на переѣзды и перевозку орудій съ одного клока на другой составляетъ большое неудобство. Все это мнѣнія произвольныя и мы не станемъ заниматься ихъ разборомъ.

Хотя, такимъ образомъ, г. Посниковъ признаетъ нѣкоторыя неудобства чрезполосности, онъ думаетъ, что они не укоръ общинному владѣнію, ибо послѣднее не болѣе связано съ чрезполосностью, чѣмъ частная собственность, и можно произвести раздѣлъ общинной земли такъ, чтобы чрезполосности совсѣмъ не было. „Почему такое округленіе полосъ невозможно при общинномъ владѣніи и на чемъ основывается убѣжденіе, что такой раздѣлъ земли немыслимъ при немъ?“ спрашиваетъ онъ и рѣшаетъ, что при общинномъ владѣніи возможно и такое округленіе, и такой раздѣлъ земли, при которомъ вся земля каждаго хозяина будетъ отведена въ одномъ участкѣ. Такое положеніе, дѣйствительно, мыслимо и физически возможно, но намъ нѣтъ никакого дѣла до его мыслимости и физической возможности, мы

должны рѣшить вопросъ о его *экономической* возможности, о выгодности и трудности такого раздѣла при общинномъ владѣніи. Смотря съ этой точки зрѣнія, мы должны признать, вопреки всѣмъ разсужденіямъ г. Посникова, что такой раздѣлъ земли чрезвычайно трудно достижимъ при общинномъ владѣніи. По приводимой самимъ авторомъ цитатѣ, „хотя разверстаніе есть необходимое и основное условіе всякаго истинно-раціональнаго хозяйства, первое и важнѣйшее сельскохозяйственное улучшеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ — оно обыкновенно и самое трудное". Для правильнаго разверстанія надо произвести самымъ тщательнымъ образомъ: измѣреніе отдѣльныхъ полосъ, дѣйствительную оцѣнку ихъ качественныхъ различій, начертать и осуществить проэкты разверстаній и т. д. и, если передъ этими трудностями и расходами, изъ нихъ вытекающими, не останавливаются собственники въ виду того, что ихъ цѣною они пріобрѣтаютъ навсегда „первое и важнѣйшее сельскохозяйственное улучшеніе", то община должна остановиться передъ этими затратами въ виду того, что она будетъ пользоваться плодами этихъ великихъ трудовъ только нѣсколько, часто 3—5 лѣтъ—до наступленія новаго передѣла, при которомъ вся работа погибнетъ и ее надо будетъ начинать снова. Если бы дѣйствительно округленіе надѣловъ при общинномъ владѣніи было экономически возможно, то общины непремѣнно имъ бы воспользовались, ибо это округленіе приноситъ съ собою несомнѣнныя выгоды и удобства; если же, напротивъ, онѣ не округляютъ своихъ надѣловъ, то это потому, что тѣ потери и затраты, которыя имъ пришлось бы нести при частомъ разверстаніи, еще значительнѣе тѣхъ, которыя онѣ несутъ отъ чрезполосицы. Это-то и заставляетъ ихъ оставаться при томъ способѣ раздѣла, который ведетъ часто къ величайшей чрезполосицѣ и, слѣдовательно, большимъ хозяйственнымъ неудобствамъ, но за то весьма легокъ, требуетъ не много времени и труда.

Въ доказательство возможности при общинномъ вла-

дѣніи отвода земли каждому хозяину въ особый участокъ г. Посниковъ приводитъ наши сѣверныя общины, гдѣ крестьянинъ, расчистившій новину, пользуется ею особо. „Въ этомъ примѣрѣ, говоритъ авторъ, для насъ важно то, что при раздѣлѣ мірской земли на участки мірское владѣніе отнюдь не отмѣняется“. Такой доводъ чрезвычайно странно слышать отъ автора, который стоитъ за общинное владѣніе съ частыми передѣлами, а общинное владѣніе съ непередѣляемою пахотью считаетъ формой едва-ли не худшей, чѣмъ частная собственность; странно слышать этотъ доводъ потому, что въ сѣверныхъ губерніяхъ участки, образовавшіеся посредствомъ расчистки новины, не подлежатъ въ теченіи извѣстнаго времени передѣлу, оставаясь въ частномъ владѣніи расчистившаго ихъ; и только въ теченіи этого времени они и остаются нераздробленными и на нихъ нѣтъ чрезполосности; съ тѣхъ же поръ, какъ они переходятъ въ общинное пользованіе и поступаютъ въ передѣлъ, они раздробляются и, такимъ образомъ, и на нихъ водворяется чрезполосность. Примѣръ сѣверныхъ общинъ доказываетъ слѣдовательно, что отсутствіе чрезполосности возможно тамъ, гдѣ нѣтъ передѣловъ, т. е. именно въ той формѣ, несостоятельность которой г. Посниковъ старается доказать, но ничего не говоритъ въ пользу той, которую онъ защищаетъ.

Переходя, наконецъ, къ послѣднему упреку общинному владѣнію, утверждающему, что оно влечетъ за собой дробимость земли, г. Посниковъ старается доказать, что дробность участковъ не влечетъ за собой нисколько упадка земледѣлія; что сильное парцеллированіе выгодно вездѣ, гдѣ оно развито, такъ что если оно развито въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, то именно потому, что по хозяйственнымъ условіямъ этихъ мѣстностей размельченіе участковъ и хозяйствъ выгодно; что если бы наконецъ, дробимость и была зломъ, то мѣра, стремящаяся установить minimum размѣра участковъ и прекратить та-

кимъ образомъ дальнѣйшее дробленіе, есть мѣра невыполнимая. Мы разберемъ всѣ эти три положенія.

Во первыхъ, авторъ говоритъ, что „парцеллированіе земли не ведетъ за собой непремѣннаго и повсемѣстнаго упадка земледѣлія, напротивъ, множество фактовъ свидѣтельствуютъ, что именно культура маленькихъ участковъ можетъ быть въ высокой степени интензивна. *А потому*, продолжаетъ онъ, всѣ доказательства невыгодъ, будто-бы проистекающихъ для сельскаго хозяйства отъ дробленія земли, оказались въ значительной степени преувеличенными.“ Мы думаемъ, что такое заключеніе не вѣрно. При извѣстной системѣ хозяйства земледѣліе можетъ быть въ цвѣтущемъ состояніи, культура можетъ быть весьма интензивна и все-таки эта система можетъ быть невыгодна. Одно высокое состояніе земледѣлія при извѣстной системѣ только тогда говорило-бы въ пользу этой системы, если-бы люди существовали для земледѣлія, а не земледѣліе для людей. Самое выгодное хозяйство будетъ не то, при которомъ культура будетъ самая интензивная, т. е. при которой получится наболѣе продукта съ даннаго участка земли, а то, при которомъ наибольшіе результаты достигаются съ наименьшею затратою труда и капитала. Если культура очень интензивна и данное пространство земли доставляетъ огромную массу продукта и если притомъ продуктъ этотъ добывается слишкомъ большою затратою труда и капитала, то такое хозяйство невыгодно. Чтобы опровергнуть невыгодность дробности хозяйствъ, надо доказать, что данное количество продукта добывается при дробномъ хозяйствѣ съ небо́льшею затратою труда и капитала, чѣмъ при болѣе крупномъ. Но этого-то доказать и нельзя. Есть предѣлъ, далѣе котораго дробленіе при данныхъ условіяхъ невыгодно. Если, положимъ, участокъ, для обработки котораго требуется 1 соха и 1 лошадь, равняется десятинѣ, то такое раздробленіе хозяйствъ, при которомъ участокъ хозяина равняется полдесятинѣ, весьма невыгодно для народнаго хозяйства, ибо, хотя съ

двухъ полдесятинныхъ участковъ получится столько-же продукта, какъ и съ одного десятиннаго участка, но для полученія его потребуется двойное количество орудій и рабочаго скота: по особой сохѣ и лошади для каждаго хозяина.

Г. Посниковъ говоритъ далѣе, что опредѣлить минимумъ размѣра хозяйствъ невозможно, ибо съ развитіемъ земельной культуры теперешній минимумъ сдѣлается способнымъ къ дробленію. Но никто и не думаетъ предписывать вѣчныхъ нормъ. Съ измѣненіемъ жизни измѣняются и постановленія; если бы законодатели разсуждали такъ, что придетъ время, когда издаваемый законъ устарѣетъ и его надо будетъ измѣнить, а потому и издавать его совсѣмъ не нужно, то никакое законодательство не было бы возможно. Опредѣлить же минимумъ, далѣе котораго дробленіе вредно при настоящихъ условіяхъ, всегда возможно.

Затѣмъ намъ остается разобрать разсужденія г. Посникова, резюмированныя въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ „Отечественныя Записки“ уже успѣли усмотрѣть „поразительную ясность и логику“ *): „Если населеніе парцеллируетъ свои земли, очень можетъ быть, оно поступаетъ такъ потому, что по условіямъ мѣстности ему выгоднѣе перейти къ культурѣ, характеръ которой требуетъ мелкихъ участковъ; если-же парцеллированіе чрезмѣрно и населеніе терпитъ нужду—значитъ оно не находитъ никакихъ другихъ заработковъ и должно довольствоваться малымъ доходомъ отъ земли. Иначе совершенно непонятно, почему оно не броситъ земледѣлія и не перейдетъ въ такія отрасли, которыя даютъ большій доходъ. Несомнѣнно, къ раздробленію земли приступаютъ потому, что по мѣстнымъ условіямъ ее нужно дробить; и какъ ни малъ доходъ *собственника* небольшаго клочка земли, онъ, значитъ, все-таки или единственно возможный въ этой мѣстности доходъ или доходъ большій,

*) 1878 кн. 3, Мартъ.

чѣмъ отъ всякаго иного приложенія труда. Этотъ фактъ доказывается такъ убѣдительно ежегоднымъ выходомъ изъ класса *поселянъ-собственниковъ* цѣлыхъ массъ, переходящихъ въ разрядъ рабочихъ“ (стр. 194). Все сказанное можетъ быть вѣрнымъ относительно поселянъ-*собственниковъ*, но это вовсе не значитъ, чтобы это-же относилось къ поселянамъ — *общинникамъ*; и по нашему мнѣнію, заключеніе г. Посникова, что, если и общинная земля дробится, то это всегда должно быть выгодно—совершенно не вѣрно. Поселянинъ-собственникъ оставляетъ свой участокъ, если доходъ съ него становится ниже, чѣмъ доходъ съ капитала, который онъ получитъ, продавъ свой участокъ. Общинникъ же только тогда оставитъ свой участокъ, когда онъ не будетъ получать съ него ровно ничего; пока онъ получаетъ съ своего участка хотя что-нибудь, ему нѣтъ выгоды покидать его, ибо въ такомъ случаѣ онъ лишается и этого малаго дохода, не получая ничего взамѣнъ. Но когда доходъ его участка слишкомъ ничтоженъ, чтобъ доставить ему средства пропитанія, онъ принужденъ обращаться къ отхожимъ и кустарнымъ промысламъ. При частной собственности дробленіе прекращается, какъ скоро оно становится невыгоднымъ, такъ какъ изъ двухъ сыновей, наслѣдующихъ участокъ, дробить который было-бы невыгодно, одинъ продастъ свой участокъ, чтобы, получивъ капиталъ, обратиться къ другому занятію, обезпечивающему его существованіе, чего онъ не достигъ-бы, занимаясь на своемъ участкѣ земледѣліемъ, а другой братъ купитъ этотъ участокъ, потому что, увеличивъ свой участокъ вдвое, онъ болѣе, чѣмъ вдвое, увеличиваетъ доходъ своего хозяйства; если же они оба остаются на своихъ участкахъ, то, значитъ, каждый изъ нихъ получаетъ доходъ, равный рабочей платѣ плюсъ доходъ съ капитала, равнаго стоимости его участка. При общинномъ же владѣніи земля дробится неизбѣжно, независимо отъ выгодности дробленія,—единственно вслѣдствіе увеличенія населенія и такому дробленію нѣтъ пре-

дѣла, ибо общинникъ не можетъ вынуть капитала, лежащаго въ его участкѣ, онъ прикованъ къ нему; вслѣдствіе этого-то у насъ общинники являются въ одно и тоже время и земледѣльцами и фабричными рабочими.

Мы кончили разборъ книги г. Посникова и намъ остается только упомянуть о его предисловіи, которое имѣетъ чисто полемическій характеръ и въ которомъ авторъ прибѣгнулъ къ пріемамъ, недостойнымъ ученаго труда. Въ немъ г. Посниковъ говоритъ, что отсутствіе у насъ класса наемныхъ рабочихъ и невозможность, вслѣдствіе этого, положиться на свободное дѣйствіе начала конкурренціи вынуждаетъ *нанимателей* обращаться къ высшей власти. „Большинство населенія является у насъ владѣльцемъ земли, да притомъ еще такой, которой невозможно пріобрѣсти ни у кого и ни за какую цѣну. Очевидно, что всѣ заинтересованные въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи возникающей формы хозяйства должны стараться изъ всѣхъ силъ доказать необходимость измѣненія этого положенія. „Патріахальная форма быта“, „рабская зависимость лица отъ произвола общины“, „насильное прикрѣпленіе его къ землѣ“—эти и подобныя прекрасныя слова берутся исходнымъ пунктомъ для доказательства необходимости освобожденія рабочаго сословія отъ земли“. Гдѣ нашелъ авторъ „нанимателей“, говорящихъ и пишущихъ такія слова? Слова эти, дѣйствительно употребляются противниками общиннаго землевладѣнія, но неужели всѣ они говорятъ такъ потому, что они „наниматели—мануфактуристы и землевладѣльцы“, какъ ихъ называетъ авторъ? Отрицать въ своихъ литературныхъ и ученыхъ противникахъ всякое честное убѣжденіе, всякую добросовѣстность, объявлять личную корысть за мотивъ, по которому они высказываютъ свои мнѣнія—это полемическій пріемъ, кромѣ того, что нисколько не убѣдительный, но еще и поистинѣ отчаянный. Въ читателяхъ, захотѣвшихъ познакомиться съ доводами за общинное владѣніе, такой пріемъ, вѣроятно, вызоветъ только вопросъ: неужели дѣло общиннаго вла-

дѣнія такъ плохо, что оно нуждается въ подобныхъ пріемахъ своихъ адвокатовъ? *).

Писателямъ, протестующимъ противъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія и знакомымъ съ сравнительной

---

*) Подобный взглядъ на споръ объ общинномъ владѣніи высказываетъ въ послѣднее время и не одинъ г. Посниковъ. Проф. *Ковалевскій* въ предисловіи къ нѣмецкому изданію своего „очерка распаденія общиннаго владѣнія въ кантонѣ Ваадтъ“ (Umriss einer Geschichte der Zerstuckelung der Feldgemeinschaft im Kanton Waadt. Von Maximus Kovalewsky. Zürich. 1877) объясняетъ европейской публикѣ, что въ Россіи взываютъ къ уничтоженію общиннаго владѣнія единственно (allein) землевладѣльцы и фабриканты изъ своихъ личныхъ интересовъ и наиболѣе богатые изъ крестьянъ, которымъ выгодно, чтобы общинная земля была объявлена объектомъ свободнаго обмѣна. Авторъ выдаетъ за „фактъ“, что землевладѣльцы для своей цѣли—обратить общинную землю въ объектъ индивидуальнаго раздѣла (что, какъ утверждаетъ авторъ, лежитъ въ ихъ интересѣ) выдаютъ другое основаніе, именно дурное состояніе земледѣлія; но, прибавляетъ авторъ, приписывающіе дурное состояніе земельной культуры въ Россіи дѣйствію общиннаго владѣнія, „сами не вѣрятъ тому, что они говорятъ“. Спрашивается: для чего же надо землевладѣльцамъ обратить общинную землю въ объектъ свободнаго раздѣла? Не для того-ли, чтобы округлять свои владѣнія, скупать крестьянскія земли, какъ то дѣлали и къ тому стремились землевладѣльцы на Западѣ?—„Но помилуйте, скажутъ намъ русскіе землевладѣльцы, гдѣ ужъ тутъ намъ думать о скупкѣ чужой земли, когда и своей-то никакъ не продашь“, когда мы, по выраженію „пѣвца нашихъ мелодій“, г. Щедрина, „съѣли давно всѣ свои выкупныя свидѣтельства“, когда мы послѣ того уже успѣли позаложить имѣнія въ банкъ и когда, какъ это засвидѣтельствовано въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ „Коммиссіи для Исслѣдов. Сел. Хоз.“, есть цѣлые уѣзды, гдѣ „всѣ готовы продать, только покупщиковъ нѣтъ“. Или можетъ быть землевладѣльцамъ выгодно обрѣзованіе пролетаріата, имѣющаго произойти отъ уничтоженія общиннаго владѣнія, чтобы пользоваться пролетаріями, какъ наемными рабочими для воздѣлыванія своихъ земель? Но русскимъ землевладѣльцамъ невыгодно и превращеніе общинниковъ въ пролетаріевъ, потому что въ этомъ случаѣ имъ пришлось бы отдавать бо́льшую плату за воздѣлываніе своихъ земель. Теперь общинникъ получаетъ значительную долю средствъ пропитанія съ своего надѣла и обработка помѣщичьихъ земель составляетъ для него только подсобный промыселъ, который всегда вознаграждается скуднѣе, нежели главный. Получая значительную долю средствъ существованія съ своего надѣла, онъ отдаетъ свободное отъ обработки его время за меньшую плату, чѣмъ пролетарій—рабочій, цѣнящій рабочей платы котораго составляютъ средства существованія,, считаемыя необходимыми въ данной странѣ и въ данное время. И мы видимъ, дѣйствительно, что русскіе землевладѣльцы для воздѣлыванія своихъ земель не обращаются къ классу пролетаріевъ, который у насъ уже довольно значителенъ и обширный контингентъ для котораго составили, между прочимъ,освобожденные дворовые; эти образующіеся изъ сельскаго населенія пролетаріи уходятъ большею частью на фабрики и въ города и землевладѣльцы находятъ болѣе выгоднымъ обращаться за обработкою своихъ земель не къ нимъ, а къ крестьянамъ—общинникамъ. Вотъ почему лишь незначительная доля помѣщичьихъ зе-

исторіей формъ землевладѣнія, можно-бы и не прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ; имъ незачѣмъ обвинять въ сознательной, преднамѣренной лжи изъ корыстныхъ побужденій людей, требующихъ моментальнаго, посредствомъ одного законодательнаго акта превращенія нашихъ общинниковъ въ частныхъ собственниковъ; въ ихъ рукахъ есть вполнѣ приличное и уже неотразимое оружіе. Знакомые съ исторіей развитія формъ землевладѣнія могли-бы показать, что при естественномъ развитіи этихъ формъ общинное владѣніе того типа, который существуетъ теперь въ великорусскихъ губерніяхъ, не переходило нигдѣ прямо, непосредственно, разомъ въ частную собственность, что этотъ переходъ былъ вездѣ результатомъ долгаго историческаго процесса, что между этими двумя формами существовали еще переходныя: сначала пахотная земля дѣлилась окончательно на непередѣляемые

мель обрабатывается въ настоящее время посредствомъ постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, въ большинствѣ-же случаевъ землевладѣлецъ подряжаетъ общинника исполнить извѣстную работу, платя ему издѣльно. Этою же невыгодностью веденія хозяйства съ постоянными наемными рабочими объясняется и столь широкое распространеніе у насъ въ настоящее время между помѣщиками и арендаторами подесятинной раздачи земли крестьянамъ-общинникамъ въ одногодичную аренду. Общинникъ слишкомъ дешево цѣнитъ свой трудъ, употребленный на воздѣлываніе нанятой десятины и, потому, платитъ аренду большую, чѣмъ рента, какую получилъ бы самъ хозяинъ, обрабатывая эту десятину наемными рабочими. Далѣе, гдѣ видѣлъ авторъ разбогатѣвшихъ крестьянъ, т. назыв. „кулаковъ“, взывающихъ къ уничтоженію общиннаго владѣнія? Для кулаковъ гораздо выгоднѣе удержаніе его, чѣмъ уничтоженіе. Покупая землю у помѣщиковъ, что и безъ конкурренціи бѣдныхъ крестьянъ, изъ которыхъ нѣкоторые при уничтоженіи общиннаго владѣнія захотѣли-бы продать свою землю, очень легко и доступно, кулаки обрабатываютъ ее теперь чуть не задаромъ; держа въ кабалѣ бѣдныхъ крестьянъ—общинниковъ посредствомъ одолженія въ нужную минуту денегъ взаймы, они заставляютъ ихъ, кромѣ уплаты процентовъ, выходить „на ломочи“, т. е. попросту выгоняютъ цѣлыя села для уборки своей покупной земли. Общинное владѣніе держитъ этихъ обѣднѣвшихъ крестьянъ постоянно у кулаковъ подъ рукой и даетъ возможность закабалять ихъ. Если и существуетъ между богатыми крестьянами недовольство общиннымъ владѣніемъ, то оно происходитъ отъ причинъ, въ которыхъ нѣтъ совсѣмъ находимаго въ нихъ г. Ковалевскимъ сходства съ причинами требованія уничтоженія общиннаго владѣнія со стороны богатыхъ крестьянъ на Западѣ, въ частности въ кантонѣ Ваадтъ. У насъ это недовольство происходитъ отъ излишней тягости податей, которая вслѣдствіе круговой поруки бываетъ чрезвычайно обременительна и для богатыхъ крестьянъ.

участки, такъ что въ общинномъ пользованіи оставались только лѣса, пастбища и луга, затѣмъ и эти остатки переходили мало по малу въ постоянное пользованіе отдѣльныхъ лицъ и, такимъ образомъ, мало по малу вся общинная замля становилась частною собственностью; при нѣкоторомъ вникновеніи въ дѣло они могли-бы выяснить и причины, обусловливавшія этотъ постепенный переходъ, и невозможность непосредственнаго перехода въ частную собственность. Сдѣлавъ все это, можно было-бы доказать, что люди, требующіе превращенія однимъ актомъ нашихъ общинниковъ въ частныхъ собственниковъ, требуютъ какой-то фантастической аграрной революціи.

Теперь мы переходимъ къ разбору отдѣла книги князя Васильчикова, посвященнаго общинному землевладѣнію (Том. II, глава XII. Разные виды землевладѣнія. Общинное или мірское владѣніе — и участковое или подворное). Упомянувъ о спорѣ нашей литературы конца 50-хъ годовъ объ общинѣ, кн. Васильчиковъ говоритъ, „что съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ перешелъ изъ области умозрѣній и разсужденій на практическую почву, и такъ какъ рядомъ съ великороссійскими губерніями, гдѣ преобладаетъ мірское владѣніе, мы имѣемъ и цѣлую полосу губерній литовскихъ и прибалтійскихъ, гдѣ водворено участковое, то мы можемъ изъ сравненія быта и улучшеній быта въ этихъ странахъ пріобрѣсти нѣсколько полезныхъ указаній. Прежде, чѣмъ перейти къ этимъ изслѣдованіямъ, мы должны однако возстановить настоящій смыслъ того порядка владѣнія, который мы называемъ мірскимъ“ (стр. 700).

Сообразно этому плану кн. Васильчиковъ и ведетъ свое изложеніе и все, относящееся въ разбираемомъ отдѣлѣ къ общинному владѣнію, можетъ быть раздѣлено на 2 части. Въ 1-ой авторъ установляетъ самое понятіе, описываетъ общинное владѣніе и объясняетъ его мѣсто и значеніе въ ряду другихъ формъ землевладѣнія; во 2-ой онъ приводитъ доказательства превосходства об-

щиннаго владѣнія передъ подворной системой, пользуясь указаннымъ имъ сравненіемъ.

Останавливаясь на первой части, гдѣ кн. Васильчиковъ описываетъ русское общинное землевладѣніе и разъясняетъ его отличіе отъ формъ общиннаго владѣнія у другихъ народовъ, мы находимъ, что изложеніе автора обличаетъ въ немъ какъ незнакомство съ формами общиннаго землевладѣнія у другихъ народовъ, съ данными, добытыми сравнительно-историческимъ изученіемъ этого учрежденія, такъ и незнакомство съ русскимъ общиннымъ бытомъ.

„Въ Западной Европѣ“, говоритъ авторъ, „мірскаго землевладѣнія никогда не существовало. То учрежденіе, которое у Германцевъ и Франковъ называлось Gemeinde, commune построено было на совершенно другихъ началахъ, чѣмъ русскій „міръ“ (стр. 702). „Мірское землевладѣніе есть учрежденіе своеобразное и исключительно свойственное великороссійскому племени“ (стр. 705). Какимъ анахронизмомъ звучатъ эти слова въ наше время! Читая ихъ, думаешь, что воскресъ какой-нибудь изъ славянофиловъ тридцатыхъ годовъ. И какъ удивительно читать эти строки у автора, ссылающагося на Маурера и Лавелэ и помѣстившаго ихъ книги въ число источниковъ своего сочиненія. Какъ-же доказываетъ кн. Васильчиковъ это свое положеніе? На Западѣ, говоритъ онъ, „коренныя угодья, поля, луга, огороды, сады даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ тѣ времена, когда селенія приписывались къ обществу, состояли большею частью, за весьма немногими исключеніями, въ подворномъ владѣніи. Общинную связь составляли другаго рода земли—запольныя, дикія и малопроизводительныя. Главное указаніе есть то, что европейская община, какая существовала у Германцевъ и Франковъ въ первобытныя времена ихъ историческаго развитія и сохранилась до новѣйшихъ, не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ міромъ, кромѣ развѣ общаго пользованія выгономъ; что корень землевладѣнія былъ поэтому въ нѣмецкой и французской такъ называемой общинѣ вовсе не общинный, а участковый.“ (стр.

702—703). Такимъ образомъ кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что у Германцевъ и у всѣхъ другихъ народовъ всегда существовало только общинное владѣніе съ общими выгонами и непередѣляемыми пахотными участками т. е. форма, какъ показало сравнительно-историческое изученіе, позднѣйшая, образовавшаяся изъ существовавшей прежде формы съ передѣломъ всѣхъ полей, какъ теперь въ Россіи. Посмотримъ, что говорятъ тѣ авторы, на которыхъ кн. Васильчиковъ указываетъ, какъ на источники своего сочиненія. Лавелэ, обозрѣвъ первоначальныя поземельныя учрежденія въ различныхъ странахъ, говоритъ: „Мы видѣли, что повсюду, на Явѣ и въ Индіи, въ Перу и Мексикѣ, у черныхъ Африки и у арійцевъ Европы деревенская община, основная общественная группа, владѣла землею и распредѣляла временное пользованіе ею поровну“ *).

Посмотримъ теперь, что говоритъ Мауреръ о германской маркѣ, на которую именно, на общину „германцевъ и франковъ“, указываетъ кн. Васильчиковъ, какъ на отличную отъ русской поземельной общины. Въ его Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadtverfassung читаемъ: „Первоначально равный раздѣлъ земли въ германской общинѣ указываетъ уже Тацитъ. (Тацитъ говоритъ: agri pro numero cultorum in vices occupantur). Онъ проявляется и теперь при предпринимаемомъ отъ времени до времени передѣлѣ земли посредствомъ метанія жеребья на Гундсрюкенѣ, на Рейнѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ первоначальный обычай сохранился до нашихъ дней. Широкое распространеніе этого способа раздѣла показываетъ прежде всего право сѣверныхъ племенъ, у которыхъ первоначальныя учрежденія сохранились до конца среднихъ вѣковъ. Въ Даніи не только каждый членъ общины получалъ участокъ равнаго съ другими достоинства и равно удаленный, но и при каждомъ съ теченіемъ времени

*) Первобытная собственность. Эмиля Лавелэ. Стр. 188.

возникавшемъ неравенствѣ первоначальное равенство надѣловъ возстановлялось посредствомъ особой процедуры, называвшейся Reebningsprozedur. Этимъ способомъ возстановлялось первоначальное равенство участковъ, что уже прежде достигалось у Израильскаго народа посредствомъ учрежденія юбилейныхъ годовъ" *). Та-же форма, которую кн. Васильчиковъ считаетъ за *всегда* существовавшую въ Германіи, какъ доказываетъ далѣе Мауреръ, есть позднѣйшая, возникшая изъ описанной. Противорѣча воззрѣніямъ, твердо установленнымъ въ наукѣ этимъ высокимъ авторитетомъ, цѣлую жизнь положившимъ на изученіе исторіи германской марки, и имѣющимъ за себя множество доказательствъ, надлежало-бы привести какія либо основанія въ пользу своего мнѣнія; по кн. Васильчиковъ этого не дѣлаетъ, да, какъ мы думаемъ, и не могъ сдѣлать.

Обнаруживъ незнакомство съ формами общины у другихъ народовъ, кн. Васильчиковъ обнаруживаетъ затѣмъ незнакомство и съ русскимъ общиннымъ бытомъ, утверждая, что въ Россіи, при распредѣленіи пользованія землею между членами общины, вездѣ существуетъ и всегда существовала *только* потягольная система, т. е. такая, при которой земля раздѣляется между взрослыми, способными къ работѣ и, обыкновенно, женатыми работниками; членъ общины, не удовлетворяющій этимъ условіямъ, не надѣляется землей при тягольной системѣ, въ противоположность подушной, при которой *каждая „душа"* мужскаго пола при передѣлѣ получаетъ равный со всѣми прочими надѣлъ. Кн. Васильчиковъ неоднократно **) утверждаетъ, что подушная система „никогда и нигдѣ" не была примѣнена въ русскихъ общинахъ и жестоко пронизируетъ надъ „писателями, которые исписали цѣлые томы о вліяніи Петровскихъ реформъ на земельный бытъ Россіи, о вредномъ или полезномъ дѣйствіи подушныхъ

*) Einleitung...S. 71.
**) стр. 106, 775.

раскладовъ и окладовъ и, повидимому, повѣрили, что владѣніе у насъ было подушное—по ревизскимъ душамъ. Между тѣмъ счетъ этотъ, продолжаетъ авторъ, никогда не былъ принятъ народомъ, нигдѣ не былъ примѣненъ къ землѣ и остался мертвой буквой на бумагѣ въ канцеляріяхъ и присутствіяхъ“ (стр. 775). Всякій, сколько нибудь знакомый съ русскимъ сельскимъ бытомъ и наблюдавшій общинные порядки не на своихъ только крѣпостныхъ крестьянахъ, знаетъ, что это совершенная неправда. Потягольная система, дѣйствительно, распространена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и была принята въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній, но есть также мѣстности, гдѣ господствуетъ подушная система и даже въ нашей скудной фактическими данными по общинному землевладѣнію литературѣ есть указанія на цѣлыя губерніи, гдѣ потягольная система неизвѣстна *). И какъ такое представленіе уживается у кн. Васильчикова съ фактами, внесенными въ его-же собственную книгу, въ которой мы находимъ перечисленіе мѣстностей, гдѣ, по его свѣдѣніямъ, передѣлъ производится въ сроки отъ ревизіи и до ревизіи и притомъ по душамъ (стр. 740), находимъ, что крестьяне, выкупивъ землю, продолжаютъ дѣлить ее *по душамъ* и тягламъ (стр. 747), что во Владимірской губ. каждый домохозяинъ получаетъ четвертуху, шириной соотвѣтствующую числу *душъ* и тяголъ въ семьѣ и проч.? Кн. Васильчиковъ долженъ-бы знать, что пользованіе землею въ русскихъ общинахъ распредѣляется по тремъ системамъ, употребляемымъ въ различныхъ мѣстностяхъ; во первыхъ по *ревизской подушной*, при которой передѣлы бываютъ только при ревизіи и землею надѣляются всѣ имѣющіеся въ общинѣ въ моментъ ревизіи члены; вторая система тоже подушная, но при ней пе-

---

*) Извѣстный знатокъ обычнаго права, г. Ефименко, въ своемъ „Сборникѣ народ. юрид. обычаевъ Архангельской губ.“ говоритъ, что въ названной губерніи общинныя земли разверстываются и дѣлятся по числу ревизскихъ наличныхъ душъ крестьянъ, обыкновенно при каждой народной переписи, а иногда и въ другихъ случаяхъ.“ (стр. 74).

редѣлы бываютъ и въ промежуткѣ между двумя ревизіями въ различные сроки, черезъ 3, 5, 10 лѣтъ и земля распредѣляется между семьями по числу *наличныхъ* въ моментъ передѣла душъ, —система, которую можно назвать въ отличіе отъ ревизской подушной—обычной подушной и при которой болѣе достигается соотвѣтствіе между количествомъ владѣемой семьею земли и количествомъ душъ въ ней; и третья будетъ потягольная система, которую нашъ авторъ считаетъ за единственно существующую. Кромѣ того въ печати появляются отъ времени до времени свидѣтельства о существованіи еще четвертаго способа пользованія общинной землей, издавна существующаго у Черемисовъ *), при которомъ общинники воздѣлываютъ землю сообща, артелью и затѣмъ раздѣляютъ продуктъ между собою поровну, причемъ артель владѣетъ общими орудіями **).

---

*) Гакстгаузенъ. Изслѣдованія внутр. отношеній. нар. жизни. Глава XV.

**) Коснемся здѣсь кстати вопроса о сравнительной справедливости этихъ обѣихъ системъ—подушной и потягольной. Кн. Васильчиковъ рѣшительный сторонникъ потягольной системы, которая, по его мнѣнію, безъ сравненія справедливѣе подушной, ибо при ней достигается болѣе уравнительное и справедливое дѣленіе земли между семьями. Я думаю, что такое положеніе односторонне, основано на наблюденіи только нѣкоторыхъ мѣстностей нашего отечества и, потому, невѣрно. И вотъ почему.

Благосостояніе крестьянской семьи зиждется на количествѣ рабочихъ силъ, которыми она обладаетъ. Богата та семья, въ которой много рукъ и мало ртовъ, бѣдна та, въ которой много ртовъ, но мало рабочихъ рукъ. Помня это, мы должны для рѣшенія вопроса о сравнительной справедливости системъ подушной и потягольной различать два рода мѣстностей; къ одному относятся тѣ губерніи, въ которыхъ доходъ съ надѣла не окупаетъ лежащихъ на немъ платежей, а къ другому тѣ, гдѣ, наоборотъ, рента съ надѣла превышаетъ лежащіе не немъ платежи.

Въ мѣстностяхъ перваго рода, къ которымъ принадлежатъ сѣверныя и центральныя губерніи потягольная система будетъ справедливѣе, ибо при ней владѣніе землей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и платежъ податей, которыя въ нашихъ общинахъ распредѣляются между семьями пропорціонально количеству владѣемой ими земли, распредѣляется пропорціонально состоятельности и платежной способности семей: большій надѣлъ, который составляетъ въ этихъ мѣстностяхъ бремя, ибо онъ не окупаетъ лежащихъ на немъ платежей, достается той семьѣ, въ которой больше рабочихъ рукъ и которая, слѣдовательно, болѣе имѣетъ способности платить эти налоги. Примѣнять въ этихъ мѣстностяхъ подушную систему было-бы несправедливо, ибо при ней на долю бѣдной семьи, въ которой много *душъ*, но мало работниковъ, пришлось бы большее бремя, большій

Послѣ всего сказаннаго можно судить, какое извращенное понятіе о формахъ общиннаго землевладѣнія у русскаго и у другихъ народовъ даетъ въ своей книгѣ кн. Васильчиковъ.

Теперь обратимся къ другой части разбираемой главы—

надѣлъ, чѣмъ на долю той, въ которой это отношеніе душъ къ работникамъ обратное и которая слѣдовательно богаче.

Въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ доходъ съ надѣла превышаетъ лежащіе на немъ платежи, а именно въ губерніяхъ черноземной полосы, справедливѣе будетъ подушная система, ибо при послѣдней большій надѣлъ достается на долю той семьи, въ которой больше душъ, т. е. больше ртовъ, и которая поэтоту бѣднѣе, а большій надѣлъ въ этихъ мѣстностяхъ можетъ только улучшить положеніе семьи, которой онъ достается, ибо онъ составляетъ источникъ дохода бо́льшаго, чѣмъ лежащіе на немъ платежи. Если даже многодушная семья, бѣдная взрослыми работниками, получитъ настолько большой надѣлъ, что не будетъ въ состояніи его обработать, то и тогда она получитъ лишній кусокъ хлѣба, нанявъ работника или сдавъ лишнюю землю въ аренду и получивъ арендную плату высшую, чѣмъ платежи. Все здѣсь изложенное вполнѣ сознается самими крестьянами; поэтому потягольная система распространена преимущественно въ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ, тогда какъ въ губ. черноземной полосы болѣе распространена подушная. Когда пишущій эти строки изложилъ воззрѣніе кн. Васильчикова одному рязанскому крестьянину, принадлежащему къ одной изъ тѣхъ общинъ, которыя отъ потягольной системы, примѣнявшейся у нихъ при крѣпостномъ правѣ, перешли теперь къ подушной, то получилъ слѣдующій отвѣтъ: „какъ вы косо судите! если остается вдова съ маленькими ребятишками, то при тягольномъ раздѣлѣ ей-бы недосталось земли вовсе—чѣмъ же бы она кормилась? а теперь, получивъ землю, она принайметъ, попроситъ, поднесетъ, — ей и обработаютъ землю, вотъ она и кормится, а то такъ часть надѣла сдастъ въ аренду, денеги возметъ—подати заплатитъ, да еще ей останется на хлѣбъ, на соль и проч. Или если въ большой семьѣ одинъ работникъ, а остальные все подростки какъ тутъ жить, получивъ одно только тягло? отлучиться на заработки никакъ нелязя—на кого дворъ бросить—вѣдь хозяйство, а получивъ нѣсколько надѣловъ—на каждую душу — онъ справится съ нимъ одинъ—вѣдь надѣлы у насъ маленькіе, съ четырьмя впору одному управиться. А въ какой семьѣ много работниковъ, да мелкоты мало, тотъ, получивъ и меньше земли, проживетъ: одинъ дома останется, другіе пойдутъ въ городъ, въ рощу, на покосъ и заработаютъ“.

Введеніе въ этихъ мѣстностяхъ потягольной системы повело-бы, конечно, къ нѣсколько болѣе старательной и заботливой обработкѣ земли, т. е. къ лучшему состоянію земледѣлія, ибо при ней достигается раздѣлъ земли, болѣе соразмѣрный съ рабочими силами семьи и самъ хозяинъ, конечно, лучше обработаетъ свой надѣлъ, чѣмъ работникъ или съемщикъ,—но за то бѣдности было-бы больше. Слѣдовательно, рекомендовать примѣненіе въ этихъ мѣстностяхъ потягольной системы значитъ болѣе заботиться о земледѣліи, чѣмъ о земледѣльцахъ, т. е. становиться на ту точку зрѣнія, противъ которой именно и возстаетъ кн. Васильчиковъ во всемъ своемъ сочиненіи.

къ аргументамъ, доказывающимъ превосходство общиннаго землевладѣнія передъ участковымъ.

„Здѣсь прежде всего, говоритъ кн. Васильчиковъ, надо различать два вида крестьянскаго участковаго владѣнія, заповѣдное (geschlossenes, gebundenes Eigenthum) и вольное (freie Besitzung)“ Съ этимъ послѣднимъ видомъ,— съ свободною частною собственностью нечего и сравнивать общинное землевладѣніе, по мнѣнію автора: она не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ общиннымъ владѣніемъ, ибо при ней не избѣгаются неудобства чрезполосности и передѣла. Это послѣднее положеніе очевидно не вѣрно. Изъ того, что неудобства чрезполосности и передѣла не избѣгаются при частной собственности, вовсе не слѣдуетъ, что она не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ общиннымъ владѣніемъ, такъ что и сравнивать ихъ нечего. Это можно было-бы сказать, если-бы было доказано, что неудобства эти, будучи единственными неудобствами общиннаго владѣнія, существуютъ какъ при немъ, такъ и при частной собственности *въ равной степени*. Доказывая далѣе, что чрезполосность не избѣгается и при частной собственности, кн. Васильчиковъ ограничивается только приведеніемъ примѣра Франціи, гдѣ при частной собственности на землю существуетъ сильная чрезполосность. Но примѣръ этотъ показываетъ только, что и при частной собственности можетъ быть иногда сильная чрезполосность; но нисколько не говоритъ о томъ, съ какимъ видомъ владѣнія она болѣе связана и при какомъ легче устранима. Вопросъ этотъ уже разобранъ нами, когда мы говорили о книгѣ г. Посникова.

Что-же касается передѣла и связаннаго съ нимъ перехода земли изъ однихъ рукъ въ другія, то кн. Васильчиковъ доказываетъ отсутствіе преимущества въ этомъ отношеніи у частной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ тѣми-же аргументами, которые онъ уже приводилъ во второмъ томѣ своего „Самоуправленія.“ Свою аргументацію теперь онъ подтверждаетъ новыми стати-

стическими данными. По этимъ даннымъ оказывается, что во Франціи, вслѣдствіе наслѣдованій и продажъ, ежегодно переходитъ во владѣніе новыхъ лицъ собственности на 5% стоимости всей поземельной собственности. Можно считать такимъ образомъ, что въ 20 лѣтъ вся земельная собственность перемѣнитъ своихъ владѣльцевъ. „Слѣдовательно, говоритъ кн. Васильчиковъ, во Франціи перемѣны, mutations, повторяются едвали не чаще, чѣмъ передѣлы въ Россіи". Странно, какъ въ теченіе 8-ми лѣтъ, прошедшихъ со времени изданія „Самоуправленія" кн. Васильчиковъ не догадался, что аргументы его негодны. Прежде всего передѣлы бываютъ гораздо чаще, чѣмъ чрезъ 20 лѣтъ—это самый большій срокъ, примѣняемый только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ передѣлы бываютъ отъ ревизіи до ревизіи. Обыкновенно же передѣлы бываютъ черезъ каждые 3, 5, 10 лѣтъ. Но еслибы даже передѣлы совершались черезъ 20 лѣтъ, развѣ изъ этого слѣдовало-бы, что перемѣны во владѣніи происходятъ тоже только разъ въ 20 лѣтъ, какъ во Франціи? Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ тѣ блаженные Гиперборейцы, за которыхъ насъ принималъ Геродотъ и древніе Греки? Развѣ мы живемъ въ той счастливой странѣ, гдѣ люди безсмертны, гдѣ не бываетъ ни смертей, ни, слѣдовательно, наслѣдованій. Но та-же статистика показываетъ, что у насъ люди умираютъ съ незначительной разницей такъ-же часто, какъ и во Франціи. Слѣдовательно по наслѣдству у нашихъ общинниковъ земля переходитъ такъ-же часто, какъ и во Франціи, да еще *кромѣ того* она мѣняетъ владѣльца при каждомъ передѣлѣ. Что-же касается продажъ, то ихъ на общинныхъ земляхъ конечно, не бываетъ, но, вслѣдствіе запрещенія продавать землю, у насъ распространена сдача надѣла сообщиннику или постороннему лицу до слѣдующаго передѣла, имѣющая мѣсто, когда общинникъ не хочетъ заниматься земледѣліемъ или когда онъ находится въ нуждѣ и ему необходимы деньги—въ этомъ случаѣ онъ долженъ сдавать землю, ибо заложить ее онъ не имѣетъ

права,—сдача, имѣющая тоже значеніе, какъ и продажа. Но кромѣ того переходъ земли по добровольной сдѣлкѣ—продажѣ и принудительный передѣлъ—вещи, совсѣмъ различныя по своимъ послѣдствіямъ. Въ переходѣ земли отъ одного владѣльца къ другому нельзя еще видѣть ничего вреднаго для успѣховъ земледѣлія; напротивъ, мы должны предполагать, что при новомъ собственникѣ хозяйство пойдетъ успѣшнѣе и онъ будетъ получать больше дохода, чѣмъ прежній; онъ долженъ получать, во первыхъ, доходъ съ капитала, уплаченнаго имъ за землю,—доходъ не меньшій того, какой получалъ съ земли прежній владѣлецъ, ибо послѣдній не взялъ бы суммы, проценты съ которой составляли-бы меньшій доходъ, чѣмъ какой онъ получалъ съ своей земли,—и, во вторыхъ, новый владѣлецъ долженъ изъ дохода купленной земли вознаградить себя за расходы, сопряженные съ покупкой земли, за пошлины и проч. Если-бы онъ не былъ увѣренъ въ возвратѣ всего этого, онъ не рѣшился-бы покупать землю.—Совсѣмъ другое дѣло принудительная, насильственная перемѣна владѣнія, которой подвергается каждый общинникъ при передѣлѣ; совершенно независимо отъ его желанія и разсчетовъ, у него отнимаютъ участокъ, на которомъ онъ ведетъ свое хозяйство, который онъ удобряетъ и приспособляетъ для себя, и даютъ ему совсѣмъ другой, отнятый у другаго хозяина; такія перемѣны могутъ вести очень часто къ пертурбаціямъ въ хозяйствѣ и парализовать энергію хозяина.

Этими доводами кн. Васильчиковъ и ограничивается въ своемъ доказательствѣ отсутствія преимущества на сторонѣ свободной частной собственности при сравненіи съ общиннымъ владѣніемъ. Какъ мы видѣли, доказательства эти еще менѣе выдерживаютъ критику, чѣмъ доказательства г. Посникова. Замѣтимъ притомъ, что г. Посниковъ опровергаетъ 4 упрека общинному владѣнію, а кн. Васильчиковъ только 2,—чтобы показать, что выборъ опровергаемыхъ ими упрековъ совершенно произволенъ. И хотя кн. Васильчиковъ даже не упоминаетъ

объ остальныхъ 2-хъ упрекахъ, съ которыми г. Посниковъ считаетъ нужнымъ посчитаться, чтобы сдѣлать свои выводы, онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать тѣже выводы, какіе дѣлаетъ и г. Посниковъ.

Затѣмъ нашъ авторъ переходитъ къ сравненію общиннаго владѣнія съ заповѣдной, майоратной формой подворнаго владѣнія, для чего, по его словамъ, онъ имѣетъ много данныхъ и въ нашемъ отечествѣ. Какъ-же производитъ онъ это сравненіе? „Мы имѣемъ, говоритъ онъ, цѣлую, широкую полосу Россіи, отъ Кіева до Ревеля, гдѣ существуетъ подворное владѣніе по европейскому образцу и на сѣверномъ краѣ этой полосы, въ Лифляндіи и Курляндіи, вѣрный снимокъ германской формы владѣнія, заповѣдныхъ подворныхъ участковъ (geschlossene Bauernhöfe). Богаче-ли эти страны и сельскіе ихъ обыватели, чѣмъ соотвѣтствующія имъ восточныя наши окраины, гдѣ наиболѣе развито мірское владѣніе? Общая масса населенія живетъ-ли привольнѣе, зажиточнѣе въ Лифляндіи, чѣмъ въ Вяткѣ и Перми, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чѣмъ въ Пензѣ и Симбирскѣ? Которая изъ этихъ двухъ полосъ снабжаетъ другую хлѣбомъ и сырыми продуктами; откуда переселяются жители—изъ благословенныхъ-ли краевъ подворнаго владѣнія въ варварскія страны мірскаго, или наоборотъ? и, переходя отъ матеріальныхъ соображеній къ болѣе возвышеннымъ, нравственнымъ, мы также спрашиваемъ: кто изъ двухъ развитѣе и смышленѣе, чухны и литовцы прибалтійскихъ и литовскихъ губерній, или великороссійскіе крестьяне—общинники?“ (стр. 116). Можемъ напередъ увѣрить кн. Васильчикова, что каковы-бы ни были отвѣты на всѣ эти вопросы, выводы, которые онъ сдѣлаетъ съ помощью своего грубаго, рудиментарнаго индуктивнаго пріема, охарактеризованнаго въ приведенныхъ строкахъ, будутъ совершенно неосновательны и построены въ воздухѣ. Спрашивается, развѣ нравственное и матеріальное благосостояніе народа зависитъ только отъ формы землевладѣнія, у него существующей? развѣ это единственный,

даже одинъ изъ значительнѣйшихъ его факторовъ? развѣ можно, находя въ одной изъ сравниваемыхъ двухъ странъ высшую степень нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, заключать о лучшемъ въ ней, чѣмъ въ другой странѣ, поземельномъ устройствѣ? Умственное развитіе народа и его матеріальное благостояніе зависятъ и опредѣляются безчисленнымъ множествомъ причинъ, находятся подъ вліяніемъ всѣхъ условій ихъ жизни, а не одного какого-нибудь. У извѣстнаго народа поземельное устройство можетъ быть очень хорошо и онъ, несмотря на это, можетъ стоять на низкой ступени цивилизаціи и наоборотъ. Эти самыя простыя и элементарныя соображенія должны-бы убѣдить кн. Васильчикова, что онъ не имѣетъ никакого права, найдя въ великорусскихъ губерніяхъ высшую степень благосостоянія, чѣмъ въ остзейскихъ, заключать о лучшемъ поземельномъ устройствѣ первыхъ сравнительно со вторыми, т. е. заключать, что общинное владѣніе болѣе способствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, чѣмъ подворное. Такимъ образомъ, если-бы даже авторъ доказалъ, что крестьяне великороссійскихъ губерній богаче крестьянъ остзейскихъ, то это еще ничего не говорило-бы въ пользу или противъ общиннаго или подворнаго владѣнія. Но убѣдительнѣе всего показываетъ несостоятельность способа изслѣдованія автора тотъ пріемъ, съ помощію котораго онъ доказываетъ бо́льшую зажиточность великороссійскихъ крестьянъ сравнительно съ остзейскими. Для сравненія благосостоянія крестьянъ великороссійскихъ и остзейскихъ губерній онъ избралъ ходъ выкупа земли здѣсь и тамъ. „Выкупъ крестьянскихъ земель, говоритъ авторъ, идетъ несравненно быстрѣе въ великороссійскихъ губерніяхъ, чѣмъ въ остзейскихъ. Къ 1-му января 1872 г. крестьянъ, приступившихъ къ выкупу, было среднимъ числомъ по 46 губерніямъ 62 проц. всѣхъ крестьянъ и въ остзейскомъ краѣ изъ 75,162 дворовъ только — 10,530, или около 14 проц., что во всякомъ случаѣ не доказываетъ большей зажиточности послѣднихъ“ (стр.

716). Если бы даже условія выкупа здѣсь и тамъ были одинаковы, то и тогда нельзя было-бы заключать о большей зажиточности однихъ сравнительно съ другими, смотря по сравнительной успѣшности выкупа; но въ данномъ случаѣ, при сравненіи великороссійскихъ губерній съ остзейскими, по ходу въ нихъ выкупа ровно ничего нельзя заключить, потому что условія выкупа здѣсь и тамъ совершенно различны; въ великороссійскихъ губерніяхъ успѣшность выкупа земель можетъ еще зависѣть отъ зажиточности крестьянъ, но въ остзейскихъ губерніяхъ она зависитъ единственно отъ фантазіи тамошнихъ бароновъ. Кн. Васильчикову самому извѣстно и онъ даже говоритъ это въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 755), что „въ этихъ привилегированныхъ областяхъ уступка надѣла совершается не въ видѣ выкупа по нормальной цѣнѣ, какъ въ Россіи, а на правахъ вольной продажи“. Въ великороссійскихъ губерніяхъ выкупъ зависитъ только отъ воли и средствъ крестьянина; если онъ хочетъ выкупить свой надѣлъ, онъ, независимо отъ воли помѣщика, вноситъ опредѣленную выкупную плату, и дѣлается собственникомъ своего надѣла; въ остзейскихъ-же губерніяхъ крестьянинъ только въ такомъ случаѣ можетъ выкупить землю, если этого пожелаетъ землевладѣлецъ и притомъ за плату, какую послѣдній пожелаетъ.

Чтобы покончить съ доказательствами вредныхъ для земледѣлія послѣдствій подворнаго владѣнія, приводимыми кн. Васильчиковымъ, мы разберемъ еще одно весьма странное обвиненіе подворнаго владѣнія — обвиненіе въ томъ, что оно производитъ сокращеніе земной поверхности. Приведя вѣдомость о населеніи крестьянъ различныхъ наименованій, кн. Васильчиковъ говоритъ, что она „раскрываетъ *непосредственныя дѣйствія и послѣдствія* общиннаго и участковаго владѣнія крестьянъ“. Изъ этой вѣдомости оказывается, что „въ губерніяхъ великороссійскихъ и новороссійскихъ, странахъ общиннаго владѣнія, душъ въ одномъ дворѣ меньше, но

подворный надѣлъ больше, чѣмъ въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ преобладаетъ нераздѣльное и преемственное подворное владѣніе“. Въ первыхъ подушный надѣлъ равняется 5,34 и 6,80 дес. на душу, а крестьянскій дворъ владѣетъ среднимъ числомъ 15,69 дес. въ великороссійскихъ и 20, 40 дес. въ новороссійскихъ; въ прибалтійскихъ-же губерніяхъ, въ крестьянскомъ дворѣ наибольшее число десятинъ безъ малаго 23, но душъ въ семьѣ въ крестьянскомъ дворѣ втрое больше, чѣмъ въ Россіи, слишкомъ 9 душъ мужскаго пола. Несмотря на большій размѣръ владѣнія крестьянскаго *двора*, въ остзейскихъ губ. „вмѣстѣ съ тѣмъ *на душу* причитается наименьшая пропорція земли, отъ двухъ и почти до трехъ разъ меньше, чѣмъ въ велико и новороссійскомъ краѣ“ *), говоритъ кн. Васильчиковъ. „Такимъ образомъ оказывается“, заключаетъ онъ, „что при замкнутомъ подворномъ владѣніи съ наслѣдованіемъ по старшинству домохозяева, отцы семействъ имѣютъ большія пространства въ своихъ угодьихъ, но несравненно больше нужды и расходовъ на прокормленіе многочисленныхъ членовъ семействъ,.... и на каждаго изъ жителей приходится меньше земли, чѣмъ въ краяхъ мірскаго землевладѣнія“. Вотъ въ этомъ-то умаленіи размѣра крестьянскаго владѣнія кн. Васильчиковъ и видитъ дурное „дѣйствіе и послѣдствіе подворнаго владѣнія“. Но всякій спроситъ: причемъ-же здѣсь подворное владѣніе? если въ данной мѣстности на единицу крестьянскаго населенія приходится мало земли, то это, конечно, происходитъ отъ малаго пространства крестьянскихъ земель и та или другая форма владѣнія въ этомъ совсѣмъ не виновата, а въ особенности въ настоящемъ примѣрѣ, ибо и при подворномъ заповѣдномъ и при общинномъ владѣніи земля не отчуждаема и крестьяне не могутъ сами уменьшить размѣра своихъ владѣній. Но князь Васильчиковъ думаетъ иначе, онъ думаетъ, что, напротивъ, здѣсь густота населенія ни при

*) Страницы 776—777.

чемъ. „Мы уже нѣсколько разъ замѣчали въ этомъ сочиненіи, говоритъ онъ, что это распредѣленіе земли вовсе не зависитъ отъ густоты населенія: въ данномъ случаѣ, для большей точности сравненія, мы возьмемъ губерніи великороссійскія, которыя по населенію почти равны остзейскимъ. Такъ, въ Лифляндской губерніи приходится на одну кв. милю 1,120 жителей, а въ Смоленской 1,117,—т. е. почти одинаковое количество; земли-же на одну душу въ первой —1,80 дес., а во второй 3,82. Итакъ, при равномъ населеніи выходитъ земли на 1 душу въ Смоленской губ. больше, чѣмъ въ Лифляндской на 2,02 десятины“. Спрашивается, какъ у князя Васильчикова уживаются вмѣстѣ два такія представленія: съ одной стороны въ двухъ странахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, равное пространство земли и равное количество населенія, а съ другой въ одной изъ этихъ странъ на каждаго человѣка приходится больше земли, чѣмъ въ другой? Казалось-бы ясно, что, если въ двухъ странахъ одинаковое пространство и равное количество населенія, то это значитъ, что въ каждой изъ нихъ на единицу населенія приходится по равной площади земли. Какъ-же произошло такое, болѣе чѣмъ странное, объясненіе у автора? Вся путаница происходитъ отъ того, что цифры, означающія пространство земли, кн. Васильчиковъ взялъ изъ географіи, и въ нихъ входитъ не одно только пространство крестьянскихъ земель, а цифры населенія изъ статистики *крестьянскаго* населенія. Все дѣло въ томъ, что при равномъ пространствѣ остзейскихъ и великороссійскихъ губерній, въ первыхъ помѣщичьи владѣнія занимаютъ болѣе земли, чѣмъ во вторыхъ, а на долю крестьянъ остается, слѣдовательно, больше во вторыхъ губ., чѣмъ въ первыхъ. Разность крестьянскихъ надѣловъ въ этихъ странахъ происходитъ, слѣдовательно, отъ различнаго въ нихъ отношенія между площадью крестьянскаго владѣнія и числомъ крестьянскаго населенія, форма-же владѣнія здѣсь ни причемъ

и подворное владѣніе нисколько не виновато въ томъ, что у остзейскихъ крестьянъ мало земли. —

Разобравъ книгу г. Посникова и часть сочиненія кн. Васильчикова, посвященную изслѣдованію экономическаго значенія общиннаго владѣнія, мы приходимъ къ выводу, что названнымъ авторамъ не удалось рѣшить нашего вопроса. Община еще ждетъ своего изслѣдователя, который освободитъ ее какъ отъ несправедливыхъ нападеній ея противниковъ, такъ и отъ излишнихъ услугъ друзей, которые, подчасъ, хуже враговъ. При этомъ сдѣланный нами разборъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что напрасны будутъ труды и безплодны изслѣдованія тѣхъ авторовъ, которые подходятъ къ изслѣдованію предмета безъ должнаго безпристрастія, которые не вооружились необходимымъ для ученаго объективизмомъ и свободою; которые, приступая къ рѣшенію вопроса о значеніи учрежденія, не познакомились сначала основательно съ самимъ изслѣдуемымъ учрежденіемъ; которые, наконецъ, берутся рѣшать соціальные вопросы, не усвоивъ себѣ предварительно научнаго метода, и пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ пріемами, давно осужденными научной методологіей.

2007111278